

Леонтьева Т. В. Номинации лексико-семантического поля «Гощение» в мотивационном аспекте / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2015. — № 3 (39). — С. 63—110.

УДК 811.161.1'37

Номинации лексико-семантического поля «Гощение» в мотивационном аспекте

© Леонтьева Татьяна Валерьевна (2015), кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков, ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (Екатеринбург), leotany@mail.ru.

Представлены результаты мотивационного анализа лексики, описывающей хождение в гости. Изложение предваряется краткой характеристикой семантической структуры поля. Анализ значений слов данной семантической области показывает, что номинации лексико-семантического поля «Гощение» указывают на высокую степень регламентированности поведения человека в гостевой коммуникации. Подчеркивается, что социально-регулятивные смыслы сконцентрированы в семантике лексем, в то время как в мотивах, эксплицируемых на основе анализа внутренней формы слов, акцент на идее регуляции менее выражен. Номинации сгруппированы в соответствии с мотивировочными признаками, далее – крупными тематическими объединениями, соотносимыми со сферами отождествления, или предметно-тематическими кодами, например, пространственно-временным, кулинарно-гастрономическим, социально-коммуникативным, речевым и др. Порядок представления кодов определен согласно оценкам разнообразия привлекаемых номинатором производящих основ. Выделены мотивы движения, пребывания где-либо, потчевания, довольства, созывания гостей, поддерживания беседы, заботы, божьего или нечистого промысла, одаривания и др. Обращается внимание на то, что в наивно-языковом сознании гощение осмысливается прежде всего в категориях пространственных перемещений. Отмечается, что метафорические переносы в изучаемом лексическом пространстве немногочисленны.

Делается вывод о том, что мотивационный анализ подтверждает фреймовость представлений о гощении.

Ключевые слова: гость; гощение; предметно-тематический код; мотивационный анализ.

1. Вводные замечания

Тема гостеприимства не теряет привлекательности для исследователей, о чем свидетельствуют новые публикации [Зализняк, 2010; Кабакова, 2013; Кабакова, 2015; Морозова, 2004 и мн. др.]. Внимание исследователей занимает этнокультурная специфика и этикет приема гостей. Большой интерес вызывает семиотика ритуальных гощений, связанных с праздничным или хозяйственным календарем, а также с обрядами жизненного цикла – рожденьями, крестинами, свадьбой, погребением, реже объектом описания и осмысления становятся бытовые посещения. Проводится сопоставление обычаев гостеприимства в разных культурах, часто – на лексическом или текстовом материале [Байрамова и др., 2008; Болхоева, 2001; Кабакова, 2013; Кабакова, 2015; Морозова, 2004; Юнусова, 2010 и мн. др.]. Исследуются синтаксические конструкции, используемые в качестве речевых этикетных формул, употребляемых в ситуации гощения [Винантова, 2010], паремии [Байрамова и др., 2008; Захарова, 2010], лексика литературного языка и русских народных говоров [Березович, 2007, с. 43–47; Кабакова, 2013; Кабакова, 2015; Невская, 1997 и др.], художественные тексты [Небуа-Момбе, 2004 и др.]. На основе этнографических сведений и по результатам анализа русской паремиологии ритуал приема гостей трактуется как древнейший вид социальных связей [Байбурин и др., 1990; Захарова и др., 2008], и закономерность этого вывода традиционно подтверждается анализом типового сценария гощения.

Рассматриваемое в данной работе лексико-семантическое поле «Гощение» объединяет языковые факты литературного языка и русских народных говоров. Уникальная особенность этого семантического пространства состоит в том, что оно детально разработано

в диалектах. Даже возможности одного корня *-гост-* в сочетании с различными словообразовательными средствами весьма впечатляющи: его дериваты участвуют в обозначении практически всех элементов ситуации гощения.

В предыдущих публикациях мы уделяли внимание семантике слов и фразеологических единиц, описывающих гощение [Леонтьева, 2010; Леонтьева, 2011 и др.]. Кратко остановимся на сделанных выводах. Исследуемое лексико-семантическое поле характеризуется определенностью семантической структуры, поскольку сегменты в нем выделяются в соответствии с элементами сюжета гощения. Анализ номинаций выявил состав идеограмм этого лексического множества, которые объединены вокруг пяти смысловых доминант: «хозяин», «гость», «ситуативность гощения», «время гощения», «пространство гощения», «угощение и дарение». Эти сегменты данного поля (в их составе могут быть выделены меньшие сегменты) представлены как в литературном языке, так и в русских народных говорах, однако выявленный на основе анализа диалектной лексики набор идеограмм иной, чем реализованный в лексике современного русского литературного языка. Например, в литературном языке нет однословных воплощений идеограмм 'гость, прибывший по морю, а не по суше', 'гости, приехавшие всей семьей', 'субботный гость', 'гость, приехавший впервые', 'ближний гость (из своих)', 'дальний гость (из чужих, издалека)', 'почетный гость на свадьбе', 'гость со стороны жениха', 'гость со стороны невесты' и некоторых других.

Если в сопоставительном ключе оценивать количество диалектных лексических воплощений одной идеограммы, то обращают на себя внимание следующие: 'гостеприимный (о хозяине дома)', 'незванный, нежеланный гость', 'любящий ходить в гости (от безделья или с целью угоститься)', 'засидевшийся гость', 'место в избе, предназначенное для гостей', 'бывать в гостях в ответ на посещение'. Каждая названная семема реализуется более чем в двадцати

лексических фактах из числа известных нам номинаций изучаемого лексико-семантического поля (первые четыре группы слов особенно многочисленны), из них только последняя семема специфична для диалектных подсистем, остальные находят лексическое или фразеологическое воплощение также в литературном языке, но в меньшем количестве фактов.

Идеограмма «гость» составляет ядро поля. Другие идеограммы толкуются через центральное понятие «гость»: «принимающий гостей хозяин»; «специальное время для приема гостей»; «угощение для гостей» и т. д. Осмысление состава воплощенных в лексике идеограмм, образующих единое семантическое пространство, и особенностей их вербальной репрезентации позволяет увидеть принципы и направления концептуализации феномена действительности. Например, в отношении лексико-семантического поля «Гощение» можно указать, например, на следующие особенности:

— из двух субъектов взаимодействия гость прорисован лексическими средствами ярче, рельефнее, чем хозяин дома; в языковом сознании маркируются «разновидности» гостей в зависимости от многих параметров: времени прибытия, отношения к гостю, частоты посещений и др.; столь развернутая «типология» гостей отражает оценивающий, настроженный взгляд хозяина на людей, приходящих в его дом; интересно, что среди номинаций присутствуют характеристики и гостя, и хозяина с точки зрения их отношения к самому событию (через категории «любящий / не любящий бывать в гостях или принимать гостей»);

— примечательны случаи разработки своеобразных микросистем обозначений разновидностей одного объекта или его характеристик (ср., во-первых, специальные обозначения праздничных и бытовых гощений; во-вторых, характеристики посетителей по количеству, времени прихода и ухода, частоте посещений, чинам, поведению, способу прибытия, в-третьих, лексемы, называющие место, предназначенное для приема гостей), поскольку такая семантическая де-

тализация (например, перм. *золотой гость* — *серебряный гость* — *ржавый гость*) свидетельствует о степени важности номинируемых свойств объекта или его самого и о наличии регламента поведения человека в данной сфере и т. д.

Отметим, что лексико-семантическое поле, объединяющее номинативные факты, принадлежащие разным подсистемам языка, нередко демонстрирует асимметрию в вербальных воплощениях представлений об этой области действительности, характерных для разных субкультур. На примере лексико-семантического поля «Гощение» можно увидеть асимметрию не только количественную (число диалектных номинаций этой семантической области многократно превышает количество слов литературного языка, описывающих хождение в гости), но и качественную (в русских народных говорах обнаруживаются специфические идеограммы¹, указывающие, например, на множество «видов гостей» и «видов посещений» и не имеющие аналогов в русском литературном языке).

Семантический анализ лексем позволяет заключить, что номинации лексико-семантического поля «Гощение» указывают на высокую степень регламентированности поведения человека в гостевой коммуникации.

Закономерно предположить, что лексика гощения может быть осмыслена в мотивационном аспекте. Этот лексический материал интересен с точки зрения особенностей отражения в языке данного феномена и представлений о нем, то есть с позиций предпочтений номинатора и возможностей языка. Экспликация мотивов на основе анализа вторичных номинаций и фразеологизмов, называющих гостей и хозяев, их действия и качества, используемые ими предметы и семиотически значимые манипуляции с ними, позволяет еще более детализировать, уточнить видение ситуации гощения носителем языка.

---

1 Ср.: «Некоторые единицы этого поля попросту являются культурными словами» [Березович, 2007, с. 43].

Представим далее результаты мотивационного анализа лексики семантического поля «Гощение». Номинации сгруппированы в соответствии с мотивировочными признаками, далее – тематическими объединениями таких признаков и затем – еще более крупными тематическими объединениями, соотносимыми со сферами отождествления, или предметно-тематическими кодами, например, пространственно-временным, кулинарно-гастрономическим и другими. Порядок представления кодов определен согласно оценкам разнообразия привлекаемых номинатором производящих основ. Отметим, что мы только пунктирно намечаем мотивационные модели, не стремясь привести исчерпывающий номинативный материал.

2. Пространственно-временной код

Поскольку гощение связано с покиданием своего дома и пребыванием в чужом (с последующим уходом из него), то закономерно, что в исследуемой лексике реализуются мотивы перемещения в пространстве. Кодировка обозначений гостя, его действий, приема гостей через пространственно-динамические мотивы наиболее популярна. В этой сфере выявляются мотивы пребывания где-либо, перемещения, проникновения куда-либо, впускания в пространство дома и т. д. При этом одна часть мотивов воплощается в названиях гостя и его действий (соответствующие мотивировочные признаки будут представлены первыми), другая часть мотивов актуализируется в обозначениях хозяев.

«Хозяйская территория» представлена в лексике рассматриваемого лексико-семантического поля опосредованно, через мотивы передвижений относительно ее и пребывания на ней гостей. Идея временного присутствия в определенном месте передается при помощи мотивировочного признака *бывать*: перм., арх., ср.-урал. *быва́нье* ‘пребывание где-либо, у кого-либо в гостях, посещение кого-либо’ (*После нашего быванья хоть волком вой. Седьни у нас большо быва-*

ные) [СРНГ, т. 3, с. 337] и олон., арх., сев.-двин. *быва́ньеце* ‘уменьш.-ласк. к *быва́нье*’ (*Нынче после твоего быва́ньеца, после девья возраста́ньеца Ошибать стане меня тошная тоскечушка*) [Там же], барнаул., байкал. *быва́й (-те) к нам / у нас* ‘формула приглашения в гости’ (*Бывайте у нас за всяко просто*) [Там же], костр., влад., рус. (карел.), сев.-двин. *не в ча́стом быва́нье* ‘не часто кто-либо приходит куда-нибудь’ (*Не в частом быва́нье, посиди немножко, напьемся чаю*) [Там же], перм. *быва́ть* ‘ходить, приходиться в гости’ («*Будто как сроду пешком не бывали – т. е. нам не приходилось еще пешком ходить в гости*») [Там же], костр. *побы́вань* ‘посещение’ [СРНГ, т. 27, с. 211] и др.

«Онтологическое» значение может приобретать, как известно, и название определенного положения человеческого тела в пространстве, ср. литер. *сидеть* ‘находиться, пребывать где-либо; проводить время где-либо, у кого-либо’ [ССРЛЯ, т. 13, с. 776], *сидеть в гостях* [Там же, с. 777], *посиделки* ‘в старой деревне – вечеринка молодежи, устраиваемая для занятий какой-либо ручной работой и для развлечения в зимнее время’ [ССРЛЯ, т. 10, с. 1472]. В русских народных говорах модель «сидеть → быть в гостях» воплощена в ряде слов и фразеологизмов: твер. *приходи́ть сиде́ть* ‘приходить в гости’ (*Приходите к нам сидеть*) [СРНГ, т. 37, с. 287], влад. *в заси́дку забира́ться* ‘ходить к соседям в гости в зимние вечера’ [СРНГ, т. 11, с. 31], костр., калин. *в посе́дки иди́ти / ходи́ть / при́йти* ‘идти, ходить в гости’ [СРНГ, т. 30, с. 146], влад. *в посиде́лки иди́ти / по́йти* ‘идти, пойти в гости’ [Там же, с. 155], яросл. *посиде́льница* ‘гостя, посетительница’ [Там же, с. 156], пск. *засе́дки* ‘вечеринка деревенской молодежи для какой-либо совместной работы и развлечения в осеннее и зимнее время’ и яросл. *засе́дки* [удар.?] ‘в свадебных обрядах угощение девушек – подруг невесты – чаем’ [СРНГ, т. 11, с. 25], моск. *посе́да* ‘посиделки’ и яросл. *посе́да* ‘гулянье’ [СРНГ, т. 30, с. 145], новг. *посиде́льщик* ‘гость’ [СРНГ, т. 5, с. 90], моск. *поседа́ть* ‘собираться на поседку (посиделки)’, диал. (шир.

распр.) *посѣдка* и *пѣсѣдка* ‘посиделки’, костр. *в посѣдки идти / ходить / прийти* ‘ходить, прийти в гости’ (*Частенько к соседям в посѣдки хожу*), моск., влад. *посѣдка* ‘изба, где молодежь собиралась на посиделки’ (*Мы у бабушки Матрены посѣдку откупили на всю зиму*), костр., яросл. *посѣдочки* ‘посиделки’, новг. *посѣдуха* ‘посиделки’ [СРНГ, т. 30, с. 145–147], арх. *просядываться* ‘просиживать (в гостях)’ [СРГК, т. 5, с. 305] и др.

Слово *беседа*, прочно встроившееся в русских народных говорах в лексику гощения, имело первоначальный смысл ‘сидение снаружи’ [Фасмер, т. I, с. 160]): смол. *кру́глая бесе́да* ‘свадебные гости, сидящие вокруг стола в полном составе’ (*Дружка обращается к гостям: Женочки-белоголовочки, молодые молодицы, красные девицы и вся круглая беседа, благословите за столичек сести*) [СРНГ, т. 15, с. 299], костр. *бесѣдка* ‘недлительное посещение соседей с целью провести время, поговорить, обменяться новостями’ (*Бегает она к нам часто на бесѣдки сплетни потрясти, вот сегодня два раза приходила; Ко мне и соседка на бесѣдку не забежит, некогда им; Ой, заходи ко мне на бесѣдку, заходи, а то сижу в окошко гляжу; Соседка вот пришла на бесѣдки, поговорить значит просто, а если в гости идти – дак это другое, это уж на праздник или далеко*) [ЛК ТЭ], костр. *бесѣдка* ‘вечеринка; ‘молодежные зимние посиделки’ (*Соседи на бесѣдки придут*) [ЛК ТЭ], ряз., том., смол. *побесѣдовать* ‘посидеть в гостях, за столом, попеть песни, повеселиться’ [СРНГ, т. 27, с. 193], костр. *бесѣдник* ‘тот, кто любит ходить на бесѣдки’ (*Бесѣдники по деревне шлепают, дома не сидят*) [ЛК ТЭ] и др.

Поскольку номинируемая ситуация связана с реальными передвижениями людей в пространстве, с переходом человека от своего дома к чужому, при образовании обозначений гостей и их действий (а в особенности любителей гостить) высокую мотивационную активность проявляют глаголы движения: *бродить, ходить, гулять, бегать, мыкаться, слоняться, ползать, колесить*.

От основы *бегать* образованы костр. *бегля́на* ‘человек, который не сидит дома, а ходит на развлечения, в гости’ (*Бегляна бегаёт все по беседкам*) [ЛК ТЭ], перм. *бегли́вый* и *беготли́вый* ‘такой, который часто уходит из дома, редко бывает дома’ (*Уж все успела обежать, бегливая баба-то какая, никогда ее дома застать не можно*) [ЧПИ, с. 30], свердл. *побегу́ха* ‘бойкая, веселая женщина, любящая ходить в гости’ [СРНГ, т. 27, с. 189].

От *ходить* и его приставочных дериватов образованы новосиб. *ходня́* ‘гости’ [СРГС, т. 5, с. 222], мурман. *похожайни́чать* ‘ходить по гостям’ (*Я девушкой любила ходить по гостям, похожайничать*) [СРГК, т. 5, с. 122], одесск. *прохо́дка* ‘поездка (в гости)’ (*Если летом будешь ездить в проходки, гостевать, так зимой и клади зубы на полку*) [СРНГ, т. 33, с. 31], ленингр. *прохожде́ние* ‘временепровождение в гостях’ (*Я не за прохождением, а за добрым диплом – сватовством*) [СРГК, т. 5, с. 320], яросл. *переха́живаться* ‘ходить друг к другу в гости’ [СРНГ, т. 26, с. 257], горно-алт. *проходи́мка* ‘женщина, которая не любит сидеть дома, часто ходит в гости’ и *проходи́мец* ‘тот, кто не любит сидеть дома, часто ходит в гости’ [СРНГ, т. 33, с. 30].

Если мотивировочный признак «бегать» передает суетливость, интенсивность передвижений, то другие глаголы, использованные в качестве материала для создания номинаций поля «Гощение», в том числе уже названный глагол *ходить*, не содержат семы интенсивности, даже наоборот, некоторые из них включают сему медлительности, которая, однако, служит маркером не собственно низкой интенсивности перемещений, а их бесцельности. Таковы дериваты глагола *бродить*, обозначающие частого назойливого гостя: арх. *бродня́* ‘человек, любящий ходить по гостям’ [СРНГ, т. 3, с. 190], казан. *бро́дяжник* ‘человек, не любящий бывать дома и заниматься работой, а ходящий по гостям, ищущий развлечений у чужих’ [Там же, с. 192], волог. *калобро́да* ‘частый и назойливый гость, который подолгу засиживается в гостях, ведя бесконечные разговоры’ [СРНГ, т. 12, с. 363], волог. *колобро́да* ‘частый и назойливый гость, который

подолгу засиживается в гостях, ведя бесконечные разговоры' [СРНГ, т. 14, с. 146], диал. (б/у места) *набрóда* 'о докучливом, назойливом посетителе' [СРНГ, т. 19, с. 134]. Не требует объяснений и внутренняя форма калуж. *колесить* 'много, часто ходить в гости' [СРНГ, т. 14, с. 127], тул. *мыканка* '«шлюха, шатунья»' (*В Рязани иные называют мыканкою женщину, неохочую быть дома и расхаживающую по гостям*) [СРНГ, т. 19, с. 52], влад. *слонóвка* 'женщина, любящая ходить по гостям' [СРНГ, т. 38, с. 303] (от *слоняться*). Сема интенсивности, помимо уже упомянутых дериватов от *бегать*, присутствует в новг., костр., перм., вят., кург. *на́полза* 'тот, кто мало находится дома, любит ходить по гостям' [СРНГ, т. 25, с. 206], поскольку в приставочно-корневых глагольных комплексах с префиксом *на-* часто реализуется структурно-семантическое значение 'интенсивное, периодически повторяющееся действие, указанное в корне' [Александрова, 2003, с. 11].

Носитель языка привлекает к описанию действий гостя и основу *гулять*, которая имеет коннотации отдыха, веселья, беззаботности: волог. *гулять* 'ходить в гости' [СГРС, т. 3, с. 160], влад., перм., орл., волог. *гулять* 'быть, проводить время в гостях, ходить, ездить в гости' [СРНГ, т. 7, с. 224], волог. *гулёва* 'гостья' [СГРС, т. 3, с. 159], яросл., влад., сиб., енис., том., алт., байкал., иркут. *гуляй(-те) к нам (в гости)* 'заходите в гости' [СРНГ, т. 7, с. 224], простореч. *гульба, гулянье, гулянка* [ССРЛЯ, т. 3, с. 481–482], новосиб. *ходить в гулянку* 'ходить в гости' [СРГС, т. 5, с. 219] и др.

В спектре значений слова *гулять* и его производных на протяжении истории соседствовали значения 'ходить' ('ходить не торопясь, для отдыха, удовольствия' [ССРЛЯ, т. 3, с. 478], 'ходить для препровождения времени или для движения' [СЦСРЯ, т. I, с. 302]), 'веселиться, развлекаться' (простореч. *гулять* 'веселиться, кутить, предаваться разгулу' [ССРЛЯ, т. 3, с. 479]), 'играть в игры, забавляться' (*гулять в куклы, в снежки, в горелки* [СРНГ, т. 7, с. 103]), 'отдыхать' (*гулянье* 'отдых, свобода от дел' [СЦСРЯ, т. I, с. 302]), 'гостить' (волог. *гулять*

‘ходить в гости’ [СГРС, т. 3, с. 160]) и др. В отдельных значениях сема движения сопровождается семой ‘без дела, для забавы’, что соответствует представлениям о гощении как времени отдыха и веселья. Подробнее о значениях слова и о семантическом параллелизме между глаголами *гулять* и *играть* см.: [Толстая, 2008, с. 102–113]. Обычай поочередного гощения зафиксирован во внутренней форме том. *отгуливаться* ‘приходить в гости к тому, кого ранее приглашали к себе’ [СРНГ, т. 24, с. 156], пенз. *перегуливаться* ‘ходить друг к другу в гости’ [СРНГ, т. 26, с. 75], пенз. *перегул* ‘поочередное хождение в гости друг к другу родственников новобрачных как продолжение свадьбы’ [СРНГ, т. 26, с. 75]. Кроме того, от основы *гулять* образовано влад. *гулливый* ‘гостеприимный, радушный’ [СРНГ, т. 7, с. 216], которое, как кажется, лишь отдаленно связано с семантикой передвижения в пространстве и отражает видение расположенного к приему гостей хозяина как любящего шумное веселье, разгул, ср. простореч. *гулять* ‘веселиться, кутить, предаваться разгулу’ [ССРЛЯ, т. 3, с. 479].

Мотивировочные признаки *бегать*, *гулять*, *ходить*, *мыкаться*, *слоняться*, *бродить*, *ползать* схожи тем, что передают идею ненаправленного движения, хождения «туда-сюда».

В качестве словообразовательного материала для номинирования гостя используются и глаголы направленного движения *наехать*, *приехать*, *находить*, *приходить*, *приваливать*, *влезать*: волг. *наезжанин* ‘приезжий человек; гость’ [СРНГ, т. 19, с. 262], якут. *прихожанин* и (жен.) *прихожанка*, яросл. *прихожатый* и (жен.) *прихожатая*, самар. *прихожатель* ‘гость, посетитель’ [СРНГ, т. 32, с. 49], арх. *находить* ‘приходить в гости’ (*Не находит на меня Тонька, сестра моя*) [СРНГ, т. 20, с. 267], волог., мурман. *находить* ‘приходить в гости’ [СРГК, 3, с. 397], вят., дон., рост., твер., нижегор., урал. *приехать* / *ходить на гости* [СРНГ, т. 19, с. 99]. Внутренняя форма яросл. *привальня* ‘гость’ [СРНГ, т. 31, с. 130] содержит смысл ‘приехать, прийти’, ср. простореч. *приваливать* ‘приезжать, приходить,

прибывать куда-л.’ [ССРЛЯ, т. 11, с. 356], смол. *прівалень* ‘приставший к чужому стаду, чужому двору или дому, прибудыш’ [СРНГ, т. 31, с. 128], яросл. *отвальня* [удар.?] ‘тот, кто уезжает’ [СРНГ, т. 23, с. 130]. Во внутренней форме курск. *влáзная* ‘чара хмельного, подносимая гостю, когда он приходит’ [СРНГ, т. 4, с. 317] отражена метафора проникновения на закрытую территорию, в чужое пространство, но, помимо этого, тут проступает еще и мотив преодоления сакральной замкнутости гостевого сообщества, поскольку принять ритуальное подношение (а слово является обозначением сосуда) значит вступить в обменные отношения, характерные для этого вида обрядности. В большинстве же языковых фактов этой группы актуализирована фаза прихода гостя.

Мотив направленного перемещения предмета в пространстве выявляется в манипулятивно-двигательном глаголе *бросать*, употребленном в безличном значении и имеющем коннотации ‘неожиданный’ и ‘инициированный неизвестной силой’: костр. *Батюшки, кем бросáет!* ‘говорят при встрече гостей, давно не бывавших’ [СРНГ, т. 3, с. 196]. Ср. литер. *збросило* (*И теперь я сижу в Лондоне, куда меня случайно збросило...*) [ССРЛЯ, т. 4, с. 250]. Близкая мотивационная модель реализована в пск. *Бог нанёс (нанесé)* ‘о неожиданном появлении кого-н.’ (*А эта вот как Бог нанёс добрава человека; Тихава Бох нанесе, а бодрый и сам наскоче*) [ПОС, т. 20, с. 108].

Приход гостя репрезентируется в языке и при помощи мотива смещения, отклонения от основного пути, для чего привлекаются мотивировочные признаки с первоначальной семантикой гнутья, поворота, кривизны. В частности, в литер. *завернуть к кому-л.*, перм. *приверну́ть* ‘заехать, зайти попутно, мимоходом’ (*Я поехала домой, а привернула в Чусовую*) [СПГ, т. 2, с. 202], перм. *привёртыши* ‘о том, кто заходит, заезжает попутно, мимоходом’ [СПГ, т. 2, с. 202], пск., твер., костр., ряз. *навёртываться* ‘зайти по пути, на минутку, мимоходом’ (*Ну, дак навёртывайся к нам в гости*) [СРНГ, т. 19,

с. 156], свердл. *навёртыши* ‘случайный гость’ [ЭИС, т. IV, с. 10], урал. *ввернётся* ‘приехать, появиться неожиданно’ (*Как кто ввернется, нечем угостить, надо испечь чего-нибудь*) [СРНГ, т. 4, с. 81] обнаруживается мотив верчения, поворота. Семантика изогнутости является исходной для основы, от которой производны олон., пск. *залукайтесь* ‘приходите, заезжайте (приглашение в гости)’ [СРНГ, т. 10, с. 223], твер., пск. *залучаться* ‘заезжать, заходить (в гости); посещать кого-либо’ [СРНГ, т. 10, с. 225] (восходит к праслав. *lōkь и далее *lękti ‘гнуть, сгибать’ [ЭССЯ, т. 15, с. 62]). Движение по кривой запечатлено во внутренней форме ср.-урал. *прикривить* ‘пригласить в гости из вежливости’ (*Ну, я прикривила ее, чтоб не обиделась*) [СРНГ, т. 31, с. 262]. Возможно, кривизна здесь манифестирует признак ‘неосновной, сопровождающий (о действии)’, поскольку приглашение в гости сделано по случаю, из-за сложившихся обстоятельств.

Мотив передвижения воплощается также в метафоре оставления следов: нижегор. *наслежать* ‘навещать, посещать’ (*Бывало, почаще ты меня наслежал*) [СРНГ, т. 20, с. 171], костр. *наследование* ‘приезд, посещение’ [Там же, с. 169], симб., костр. *наследовать* ‘навещать, посещать’ [Там же]. Возможно, здесь присутствует коннотация повторности действий, отражающая множественность посещений – «по старому следу».

В лексике гощения присутствует пропозиция «перемещать(ся) в одно место, собираться», которая находит выражение во внутренней форме лексем: волог. *собранушка* ‘соседка; гостья’ [СРНГ, т. 39, с. 174], олон. *собрáньице* ‘группа людей, собравшихся где-л. (на свадьбе, вечеринке)’ [Там же], пск., твер. *своз* ‘большое количество гостей у кого-либо’ [СРНГ, т. 36, с. 314], костр. *свóзки* ‘молодежное гулянье’ [ЛК ТЭ], краснояр., кемер., арх. *сьезжий прáздник* ‘праздник, на который съезжаются гости’ (*Калачи да сушки только на съезжий праздник*) [СРНГ, т. 31, с. 64], пск. *прívоды* ‘званный пир, сбор званых гостей’ [СРНГ, т. 31, с. 144], волог. *кúчить* ‘приглашать, звать кого-либо в гости’ (*Он кучил меня к себе*) [СРНГ, т. 16, с. 190], арх.

неско́пный ‘малолюдный, с присутствием небольшого количества людей’ (*Это праздник нескопный у нас, гости-те не скопляются*) [СРНГ, т. 21, с. 154].

В свою очередь, основное действие хозяев, «впускающих кого-то», разрешающих гостю войти, запечатлено посредством внутренней формы урал. *пуца́ть* ‘принимать кого-либо в гости’ [СРНГ, т. 33, с. 178]. Метафора впускания кого-либо в свое пространство представлена в слове *прием* и прочих производных от *принимать*: тул. *прии́мать* ‘приглашать, приветливо встречать (гостей)’ [СРНГ, т. 31, с. 231], арх. *прини́ма́ннице* ‘прием (гостей)’ [Там же, с. 312], иркут., краснояр., тюмен., арх. *приёмчивый* ‘гостеприимный, радушный’ [Там же, с. 200], мурман. *приёмный* ‘гостеприимный, радушный’ (*У нас поморский народ приёмный*) [Там же, с. 201], кемер., моск., дон. *приёмчатый* ‘гостеприимный, радушный’ и арх., мурман., урал., свердл., кемер. *приёмчивый* ‘гостеприимный, радушный’ [Там же, с. 202], тул., перм., амур. *прии́мный* ‘связанный с приемом, охотно, ласково встречающий, принимающий кого-либо, гостеприимный’ и сталингр., орл., брян., арх., печор., урал., прикам., перм., свердл., иркут. *прии́мчивый* ‘охотно, ласково встречающий, принимающий кого-либо, гостеприимный, приветливый’ [СРНГ, т. 31, с. 231], ленингр. *приёмистый*, рус. (карел.), прионеж. *приёмошный*, ленингр. *приёмливый*, рус. (карел.) *приёмный*, мурман. *приёмчивый* ‘гостеприимный’ [СРГК, т. 5, с. 158–159], мурман., ленингр., онеж., новг. *прии́мчивый* и *прии́миливый*, рус. (карел.) *прии́мчистый* ‘гостеприимный’ [СРГК, т. 5, с. 165]; ср. существительное – арх. *приёмство* ‘гостеприимство’ [СРНГ, т. 31, с. 202], а также с отрицанием – арх. *неприёмчивый* ‘неприветливый, негостеприимный’ и свердл. *неприёмчиво* ‘неприветливо, негостеприимно’ [СРНГ, т. 21, с. 126], перм. *приёмлевый* ‘приветливый, гостеприимный’ [СПГ, т. 2, с. 206]. Внутренняя форма перечисленных лексем (ср. диал. (шир. распр.) *имать* ‘брать, хватать что-либо’ [СРНГ, т. 12, с. 189]) рисует картину перемещения чего-либо в свое пространство, ср. литер. *принимать* ‘брать в собственность,

в свое распоряжение', 'брать в свое ведение от того, кто сдает', 'вступать в управление; принимать на себя', 'брать к себе, давать приют', 'пускать в дом, допускать к себе (гостя, посетителя)' [ССРЛЯ, т. 11, с. 620]. Значения этого слова содержат сему присвоения, что свидетельствует о релевантности оппозиции «свое – чужое» в однокоренных словах тематической группы «Гощение».

Внутренняя форма имеющего тот же корень сев.-двин. *во́ймовать* 'ухаживать за гостем, принимать его с почетом, угощать' [СРНГ, т. 5, с. 33] также передает пространственную метафору помещения чего-либо внутрь себя, ср. другие значения этого глагола, отсылающие к семантике восприятия, понимания, поскольку эти ментальные категории осмысляются через идею «вбирать в себя»: арх. 'внимательно слушать, прислушиваться', арх., перм., яросл. 'понимать, воспринимать' [Там же]).

Итак, оппозиция «свое – чужое», одна из ключевых не только в народном менталитете, но и среди когнитивных структур вообще, проявляет себя в лексическом поле гощения в мотивах прихода, ухода, приема, впускания в свое пространство.

Она реализуется и в образах своего дома, чужой избы, двора, манифестирующих, с одной стороны, конституирующую связь категорий «дом» и «хозяин», с другой стороны, ролевой статус гостя, временно вторгающегося на чужую территорию – допускаемого в чужую избу или двор.

Так, обозначая умение хозяина хорошо принять гостя, носитель диалекта обращается к мотивировочному признаку «при доме»: диал. (Арм. ССР) *придо́мистый* 'гостеприимный' [СРНГ, т. 31, с. 194]. В народной культуре представления о хорошем и плохом хозяине основываются на оценке не только трудолюбия, рабочей хватки (неслучайно в Архангельской области слово *придомистый* является характеристикой человека по тому, как он заботится о доме: арх. *придо́мистый* 'хозяйственный, рачительный' [Там же], ср. также печор. *дворово́й хозя́ин* 'хороший, заботливый хозяин' [ФСРГНП, т. 1,

с. 200]), но и его отношений с людьми, «коммуникативного статуса»: «крепкий хозяин» щедр и гостеприимен, потому что имеет достаток, и не станет праздно ходить по гостям, потому что у него много забот по хозяйству. При описании семантической организации поля «Гощение» уже говорилось, что частые уходы из дома и посещения соседей (во внутренней форме слов это выражается в виде мотивировок «без дома», «за двором») воспринимаются как признак предосудительной бесхозяйственности: костр. *бездомóвик* ‘о человеке, который ходит по гостям’ (*Бездомовик он, дома не бывает*), костр. *бездомóвый* ‘нехозяйственный, не любящий сидеть дома’ (*Всё ходит по соседям, бездомовая*), костр. *бездомóвница* ‘о женщине, любящей ходить по гостям’ (*Вон бездомовница ходит, дома у самой грязно*) [ЛК ТЭ], арх. *задвóрничать* ‘жить не дома, быть постоянно у кого-либо в гостях’ [СРНГ, т. 10, с. 46].

Другие дериваты слова *двор*, имея внутреннюю форму «между дворами», «по дворам», «чужой двор», рисуют картину перемещения человека по деревне: южн. *междвóрить* и *междвóрничать* ‘шататься по дворам, почасту гостить’ [Даль, т. II, с. 320], диал. (б/у места) *междвóрник* и *междвóрка* ‘гостейник, гостейница, охочий до гостыбы’ [Гам же], урал. *подвóрня* ‘непоседа; женщина, которая любит ходить по гостям’ [СРНГ, т. 27, с. 366], рус. (карел.) *чужедвóрый* ‘любящий ходить по гостям’ [СРГК, т. 6, с. 803]. В дефинициях ряда слов отсутствует указание на гощение, внимание акцентировано только на праздношатании, однако такое толкование находится в соответствии с тем, что посещения соседей видятся «ненастоящими» гощениями: ворон. *междудвóрник*, курск. *междвóр*, орл. *междвóрец* ‘бездельник, который ходит от нечего делать по чужим дворам’ [СРНГ, т. 18, с. 79, 81, 90], орл. *подвóрашник* ‘мужчина, который любит без дела ходить по чужим дворам’ [СОГ, т. 10, с. 37], курск. *подворяга* ‘женщина или мужчина, любящие бродить по чужим дворам’ [СРНГ, т. 27, с. 366, 369], яросл. *семидвóрить* ‘бездельничать, ходить целыми днями без толку из дома в дом’ [ЯОС, т. 9, с. 25]. Е. Л. Березович об-

ращает внимание на то, что языковой образ «междворья» имеет этический компонент, поскольку двор – это «область, открытая вовне, выводящая мир семьи в “большой мир”», и шатание по дворам связывается с нарушениями морали – сплетнями и изменами, ср. *дворы* ‘сплетни, пересуды’, *семидворить* ‘бегать по деревне, собирая сплетни’, ворон. *междворница* ‘потаскушка’ и др. [Березович, 2007, с. 46].

Наконец, любитель гостить и само посещение номинируются в северных говорах при помощи сочетания «другая изба»: волог. *другозьба* ‘хождение в гости (как правило, к соседям)’ [СГРС, т. 3, с. 275], волог. *другозьба* и *другозьбница* ‘любительница посещать дома соседей без определенной цели’ [Там же], волог. *другозьба*, *друговизник* (неодобр.) ‘любитель посещать чужие дома, проводить время вне собственного дома’ (*Другозьба – человек от безделья ходит из дома в дом; Парень у меня – друговизник настоящей: проснёччя, поест, шапку в охапку и до вечеру дома не появляччя*) [СВГ, т. 2, с. 59–60], ср. волог. *другозьба* ‘чужая, не своя изба в этой или соседней деревне; дом соседей или знакомых’ [СГРС, т. 3, с. 275], волог. *другоизба* ‘изба соседа’ [СВГ, т. 2, с. 60], онеж. *другоизбный* ‘соседний (о доме)’ [СРГК, т. 2, с. 6]. Следовательно, оппозиция «хозяин – гость» поддерживается на мотивационном уровне локативной оппозицией «при доме (своем) – в другой избе». По мнению Е. Л. Березович, трансформация слова *другоизба* в *другозьбу* является результатом «народно-этимологического “подверстывания” к ряду дериватов *гостить* вроде арх. *перегозьба* ‘посещение гостями друг друга’» [Березович, 2007, с. 44].

Если пространство гощения и перемещение в нем тщательно «прорисованы» в мотивации слов изучаемого поля, то время гощения, получившее детальную разработку в лексической семантике, почти не актуализировано во внутренней форме слов. Можно назвать только уже приведенные ранее обозначения позднего гостя (смысл ‘поздний’ воплощен и значении, и в мотивировке слов *поздняк*, *позжак*, *посляна*), гостя, явившегося в определенный период (*суббот-*

ний *гость*), пришедшего в ненадлежащее время или кстати (*впорый гость*, *непоратый гость*), засидевшегося (*калядски гость*), а также номинации продолжительности гощения, мотивированные хрономом *неделя*: пск., волог., костр., перм., урал. *неделевать* и *неделевать* ‘жить, гостить неделю’ [СРНГ, т. 21, с. 10], костр. *годовать* ‘гостить в течение года’ [СРНГ, т. 6, с. 270].

Таким образом, через посредство пространственных и временных смыслов и образов, закрепленных во внутренней форме ряда номинаций лексико-семантического поля «Гощение», воплощены мотивы пребывания в определенном месте (*бывать*, *сидеть*); мотивы перемещения в пространстве – ненаправленного (*бродить* и мн. др.) и направленного (*наехать*, *находить*, *приехать*, *приходить*, *собираться*, *бросать*, *привернуть* и мн. др.); мотивы открывания границ, впускания гостя (*пускать*, *принимать*, *дом*, *изба*, *двор*); мотивы временных привязок и ограничений (*год*, *неделя*, *суббота*, *колядки*, *поздний* и пр.). Преобладание пространственных мотивов объясняется отчасти тем, что они способны служить средством передачи временных смыслов (ср. *пришел в гости*, *ушел из гостей*). С другой стороны, элементы пространственно-динамического кода обладают большими возможностями к выражению качественных характеристик совершаемых гостем действий (ср. мотивы направленного и ненаправленного движения, интенсивного или неинтенсивного движения) и экспрессивных коннотаций одобрения и неодобрения (ср. *наполза*, *гулёва*, *мыканка*).

3. Кулинарно-гастрономический код

В традиционной культуре пища (костр. *эжвица* ‘еда, кушанье’, тамб., костр., иван., влад., яросл., перм., вят., сиб. *эжево* ‘еда, пища’ [СРНГ, т. 8, с. 326] и др.) несет большую семиотическую нагрузку. Подробнее об обозначениях пищи и традициях русского застолья см. работы Т. А. Агапкиной и С. М. Толстой [СД, т. 4, с. 59–65], Г. И. Кабаковой [Кабакова, 2013; Кабакова, 2015], Т. Б. Банковой [Банкова,

2006], Е. Л. Березович [Березович, 2007, с. 341–404], К. В. Пьянковой [Пьянкова, 2008] и др. Обозначения пищи, приема пищи, разнообразных блюд, продуктов развивают вторичную семантику из сферы «Гощение» или выступают производящими основами при образовании номинаций семантической области «Гощение».

Угощение как обязательная часть ритуала гостеприимства последовательно отражается во внутренней форме слов, обозначающих гостей, хозяев и сами посещения, в том числе на уровне древней семантики, ср. этимологию слова *гость*. Праслав. *gostь считается -t- суффиксальным производным от и.-е. **ghos-* ‘поедать’ [ЭССЯ, т. 7, с. 68]. Такому решению вопроса о происхождении слова дают почву наблюдения над ритуалами потчевания гостя, назначение которых состоит в налаживании обменных отношений хозяев с гостем. Как уже говорилось, угощение, к которому «прилагается» и крайняя степень заботливости, в частности настоятельное чествование гостя, – основной ресурс, на который хозяева могут «выменять» благожелательность, расположение пришедшего.

Показательна и внутренняя форма обозначения хозяина дома, принимающего гостя: сверд. *угостяющий* ‘любящий угощать кого-либо; гостеприимный’ (*Мужик-от у ей хорошей, угостяющей, без угоишення от их не уйдеи; Сама-та шибко до гостей-то радеет, угостяюшиа*) [СРГСУ, т. 7, с. 123].

Название детской игры в гостеприимство, подражающей эпизоду из взрослой жизни, производно от глагола, обозначающего принятие пищи: забайкал. *кушанцы* ‘детская игра в гостей и хозяев, причем угощением является истертый порошок кирпича’ [СРНГ, т. 16, с. 194].

Номинируя пребывание в гостях, носитель диалекта обращается к основе *брюхо*. Так, в рус. (карел.) *побрюшничать* ‘побывать в гостях’ (*Пошла побрюшничать, это вот на праздник, говорят*) [СРГК, т. 4, с. 572] можно наблюдать семантический переход «набивать брюхо → угощаться → гостить» (от *брюшничать* ‘есть и пить много, обильно’ [СРГК, т. 1, с. 126]).

Корень *-обед-*¹ обнаруживается в пск., твер. *обѣденник* и (жен.) *обѣденница* ‘тот, кто приходит в гости, чтобы пообедать’ [СРНГ, т. 22, с. 26].

В производстве лексики гощения участвует слово *стол*: южн., краснаяр. *постоловать* ‘пригласить в гости’ [СРНГ, т. 30, с. 232], новосиб. *открывать стол* ‘приглашать в гости; собирать гостей’ [ФСРГС, с. 129], арх., волог., влад., перм. *большой стол* ‘часть свадебного обряда, во время которого принимают и угощают гостей’ [СРНГ, т. 3, с. 91], том. *опохмельный стол* ‘прием гостей у жениха после свадьбы утром’ [СРНГ, т. 23, с. 285], моск. *застольица* ‘обед, на котором присутствуют гости’ [СРНГ, т. 11, с. 63] и др.

В числе слов, образованных от основы *стол*, и устойчивых сочетаний с этой лексемой – обозначения собственно гостей: арх. *столовицик* ‘гость на свадьбе’ [СРНГ, т. 41, с. 220], перм., урал. *застольник* ‘участник свадебного пира’ [СРНГ, т. 11, с. 63], пск., твер. *стольники* ‘гости за праздничным столом’ [СРНГ, т. 41, с. 225], олон. *столовые гостьюшки* ‘гости, угощающиеся за столом’ [Там же, с. 221], арх., омск., том., кемер., яросл. *стол* ‘гости, сидящие за обеденным, праздничным столом’ [Там же, с. 194], пск. *стольица* ‘гости, сидящие за столом’ [Там же, с. 216], пск., калин., моск. *застольица* ‘гости, сидящие за столом во время еды, пиршества’ [СРНГ, т. 11, с. 62].

Уникальны обозначения, выражающие не свойственную городскому языковому сознанию меру – количество разместившихся за одним столом: перм. *застольица*, олон., костр., тобол. *застолье* ‘количество гостей, которое может разместиться за столом’ (*Гостей у нас*

1 Мы исключили из рассмотрения обрядовую лексику, однако нельзя не отметить, что названия трапезы (*обед, ужин*) положены в основу обозначений обрядовых гощений: омск. *обѣдик* ‘поминальный обед с небольшим количеством гостей’ [СРНГ, т. 22, с. 27], урал., омск. *обѣд* ‘поминки’ [Там же, с. 26], ворон. *жирный обѣд* ‘праздничный обед по случаю рождения ребенка’ [Там же], ворон. *повивальный обѣд* ‘угощение по поводу надевания головного убора на невесту’ [Там же], курск. *повивальный обѣд* ‘в обрядах, сопровождающих крестины – сбор гостей в первое воскресенье после крестин’ [Там же], ворон. *гордой обѣд* ‘в свадебном обряде – обед у жениха после венчания’ [СРНГ, т. 7, с. 29] и др.

седни вдоволь, уж три застолицы откормила, да вот опять подбираются) [СРНГ, т. 11, с. 62]. Смена гостей, то есть приход и уход соседей «партиями» во время праздничных гощений, обусловлена необходимостью накормить всю общину при имеющейся хозяйственной утвари.

«Пищевые» номинации также вовлекаются в лексико-семантическое поле «Гощение». Например, народную духовную культуру характеризует уважительное отношение к хлебу и соли, с которыми связаны магические действия, обряды, приметы, и в частности, встреча гостей хлебом-солью¹. Она была не только знаком чествования, но и средством огородить себя и дом от опасности, которую несет с собой чужак: *Батюшка родимый, матушка родимая, гости бранные, гости званые! Благословите князя молодого, хлебом-солью огородите!* Ср. также значение ворон. *захлэбить* ‘угостить; угощением расположить к себе’ [Там же, т. 11, с. 149]. Угощение, предлагаемое гостям, стало называться *хлебом-солью*, от него образова-

1 Соль используется в качестве оберега от нечистой силы; существует практика приворотных заговоров на соли, обычай кричать «Горько!» на свадьбе, примета, согласно которой просыпать соль значит в скором будущем с кем-либо посориться; разг. *пуд соли съест с кем-либо* и др. [Байбурин и др., 1990, с. 143–144; Лаврентьева, 1992]. Следовательно, в русской культуре соль – маркер соединения либо разъединения. Материалы и исследования семиотики хлеба обобщены в пятом томе «Славянских древностей» [СД, т. 5, с. 412–437]: «Хлеб – в традиционной культуре высшая жизненная ценность, “дар Божий”, главный ресурс жизни, символ достатка, благоденствия, здоровья и плодородия; повседневная и обрядовая реалья, обращение с которой в высшей степени ритуализовано и подчинено множеству предписаний и запретов; объект почитания и сакрализации; средство общения людей между собой и живых с умершими; магическое средство (продуцирующее, защитное, лечебное и др.)» [СД, т. 5, с. 412–437]. Хлебные изделия традиционно присутствуют на столе, приготовленном для гостей, и используются в качестве гостинца: «Основной предмет дара у славян – хлеб (зерно, мука, хлебные изделия), воплощающий богатство, жизненную силу и долю и в свою очередь представляющий собой “Божий дар”» [СД, т. 2, с. 16]. В праздничные дни гость несет с собой выпечку: влад. *кокурка* ‘большой круглый пирог с изюмом, который женщины в первый год замужества дарят в воскресенье на Фоминой неделе своим незамужним подругам’ [СРНГ, т. 14, с. 105], вят. *пирожное* ‘стряпня, которую гости приносят на крестины’ [СРНГ, т. 27, с. 42]. Хозяева в дар гостям также нередко готовят хлебцы; приведем лишь несколько иллюстраций: влад. *кокурка* ‘маленький каравай хлеба (служащий обычно подарком на свадьбах)’, нижегор. *кокурка* ‘булочка продолговатой формы, которой хозяева одаривают песенников, поющих в канун Нового года величальные песни, колядки под их окнами’ [СРНГ, т. 14, с. 1052], том. *благодарный хлеб* ‘хлеб, который подносили высокому гостю’ [СРГС, т. 5, с. 211] и мн. др.

но том. *хлебосольничать* ‘угощать гостей’ [СРГС, т. 5, с. 213]. Ср. также характеристики хозяев: литер. *хлебосольный*, волог. *солзоб* ‘о гостеприимном, хлебосольном человеке’ [СРНГ, т. 39, с. 290], перм. *большая хлеб-соль* ‘о том, кто любит, чтобы у него всегда всего было много (хлеба, денег, гостей), кто любит угощаться’ [Там же, т. 3, с. 93],

Хлебосолом может называться не только хозяин, но и гость: перм. *хлебосол* ‘тот, кто водит с другим хлеб-соль, бывает гостем’ (*Оне промежу собой хлебосолы. Этот человек мне хлебосол*) [КСРНГ], перм. *хлебосолка* ‘та, которая водит с другими хлеб-соль, гостит у других’ (*Мы с ей ведь хлебосолки; хлеб-соль водим, гостимся; Оне подруги хлебосолки, ходятца друк ко дружке; одна без другой не съест, не выпьет*) [КСРНГ].

Таким образом, народные представления о хлебе следует рассматривать в контексте его социальных функций: «Важнейшей ритуальной функцией хлеба является социализирующая и социально-регулятивная, выражающаяся в делении и совместном поедании Х., в актах угощения, дарения, жертвования Х., обмена хлебом (например, при кумлении, побратимстве, в сербском обряде “слава”), символического распределения благ между живыми и мертвыми» [СД, т. 5, с. 418]. Взгляд на хлеб и соль с этого ракурса объясняет использование соответствующих слов в качестве производящих основ для номинаций из сферы «Гощение».

В мотивировках слов находит отражение и то, что потчевание гостей включает в себя поднесение им хмельного – вина, пива, браги: свердл. *пироваться* ‘гостить, ходить друг к другу в гости’ [ЭИС, т. IV, с. 11], сев.-зап. *пирун* ‘любитель ходить в гости’ [СРНГ, т. 27, с. 43], перм. *ходить на брагу* ‘ходить в гости’ [СПГ, т. 2, с. 504]. По той же словообразовательной модели, что и в слове *перегащиваться*, образовано вят., влад. *перепиваться* ‘в большие праздники ходить в гости друг к другу’ [СРНГ, т. 26, с. 186], в основе которого лежит мотивировочный признак «пить по очереди», что соответствует традиции угощения гостей. Ряд номинаций поля «Гощение» мотивирован

«водными» лексемами *лить, капля, пузырь*, которые метонимически обозначают спиртное: влад., костр. *капельки собирать* 'ходить по домам с целью угоститься, напиться пьяным' [СРНГ, т. 13, с. 51], арх. *пузыриться* 'пить и есть с гостями' (*С катера бы никто не изъявился; ныне гостей боишься как огня: косить надо, а не пузыриться*) [СРГК, т. 5, с. 345] (ср. *пузырять* 'пить' [Там же]).

Наконец, основанием привлечения лексики, называющей в своих прямых значениях продукты питания, в качестве средства концептуализации представлений о гощении может быть символическое осмысление пищи, в частности, жирного, скоромного как изобильного, богатого (ср. притяжение *жир* и *жить*). Пищевая метафора, представленная в колым., сиб., влад., арх., камч. *жировать* 'приятно проводить время, ходить в гости, пировать' [СРНГ, т. 9, с. 184], рус. (карел.) и мурман. *прожировать* 'прожить в гостях' [СРГК, т. 5, с. 259], онеж., мурман. *жировать* 'гостить' [СРГК, т. 2, с. 65], не связана с обилием угощения на хозяйском столе (может быть, лишь опосредованно). Она актуализирует комплекс сем 'бездельничать', 'отдыхать', 'жить богато, привольно, роскошно', 'предаваться разгулу', 'получать удовольствие', 'баловаться', свойственных дериватам от *жир* и совокупно выражающих идею довольства (подробнее об этом см. [Пьянкова, 2008, с. 66–67]), ср. др.-рус. *жировать* 'жить в довольстве' [Срезн., т. I/2, с. 875], диал. (б/у места) *жировать* 'жить в избытке, ни в чем не нуждаться' [Даль, т. 1, с. 543], простореч. *жировать* 'резвиться, тешиться, баловаться' [ССРЛЯ, т. 4, с. 161], ср.-урал. *жириться* 'бездельничать' [СРГСУ/Д, с. 156], волог. *жйра живётся* 'хорошо живется' [СГРС, т. 3, с. 371], волог. *жир жировать* 'жить хорошо, благополучно' [Там же], простореч. *жировать* 'резвиться, тешиться, баловаться' [ССРЛЯ, т. 4, с. 161] и др. Мотивирующий элемент *жир* имеет устойчивую коннотацию «привольный, роскошный, изобильный», способную ассоциироваться в языковом сознании с щедростью и заботливостью хозяев дома.

Итак, мотивировочные признаки, тематически отнесенные к средствам кулинарно-гастрономического кода, позволяют воссоз-

дать образы едящего гостя и угощающего хозяина, а также реконструировать восприятие «особого положения» того, кто пришел в дом, представления о его окруженности заботой и довольстве.

4. Социально-коммуникативный код

Мотивационный ресурс для производства лексем семантического поля «Гошение» предоставляют обозначения социальных единиц и характеристик (*люди, ватага, родимый, брахманы*), коммуникативных категорий (*радеть, ласкать, лестить, честить, почитать, желать*).

Готовность, склонность к приему гостей часто объясняется общительностью хозяев, маркируемой через посредство привлечения основ *люди* или *ватага*: рус. (карел.) *людской* ‘общительный, незамкнутый’ (*Ну он гостеприимный, такой людской парень, с кем хочешь, сразу познакомится*) [СРГК, т. 3, с. 169], влад. *ватажный* ‘гостеприимный, хлебосольный’ [СРНГ, т. 4, с. 69].

Гошение как перемещение в «людскую» среду концептуализируется в зап. *про лю́ди (идти)* ‘в люди, в гости идти’ [СРНГ, т. 32, с. 77], перм. *полю́дые* ‘гости’ (*Я полюдые звать буду на праздник*) [СПГ, т. 2, с. 160]. Во внутренней форме обозначений принарядившегося гостя, зафиксирована ориентированность человека на социум – на объект, «для которого» он наряжается, пытаясь соответствовать принятым в обществе нормам: костр., свердл. *вы́йти / пойти́ на вы́людые* ‘выйти, пойти, принарядившись, в гости, на гулянье и т.п.’ [СРНГ, т. 5, с. 307], костр. *на вы́люды* и *на вы́людые* ‘на выход, на публику, в гости’ (*Лапотину накидаешь, одежду домашнюю, не на вылюды*) [ЛК ТЭ], пск., перм. *вылюжа́ться* (сов. *вылюди́ться*) ‘наряжаться, одеваться для выхода в гости, на гулянье’ [СРНГ, т. 5, с. 308]. Так же называется и одежда¹, предназначенная для выхода, в отличие от будничной: костр. *вы́людный* ‘об одежде, в которой можно пойти в люди, в гости’ (*В вылюдной одежде идёшь в гости, на гулянье*) [ЛК ТЭ], костр. *вы́людник* и перм., олон., пск., яросл., свердл. *вы́людые* ‘луч-

1 О культурном коде одежды см.: [СД, 3, с. 523–533].

шая одежда, в которой ходят в гости, на гулянье и т.п.; праздничная одежда' (*Дома ходили в старом, а получше одели – вылюдые. Была вещь носильная, а починил да почистил – за вылюдые сойдет*) [СРНГ, т. 5, с. 307]; ср. олон. *вѣлюдые* 'обувь получше, в которой можно показаться чужим людям' [Там же].

К социальному коду мы считаем возможным отнести такие мотивационные элементы, которые легли в основу оценочных именованных хозяина по выказываемому им отношению к гостям, по благожелательности и заботливости, любезности и щедрости.

Обращение к основам *честь* и *почет* при создании обозначений хозяев дома находится в согласии с представлениями об ожидаемом отношении хозяев к гостю как человеку, от которого зависит благополучие принимающего дома: рус. (карел.) *почестливый* 'гостеприимный' [СРГК, т. 5, с. 127], олон. *запóчтливый* 'извиняющийся за то, что не может хорошо угостить посетивших его гостей' (*Не будь гостю запóчтлив, а будь рад – пословица*) [СРНГ, т. 10, с. 351]. Соответственно, невежливость, неучтивость в обращении получает неодобрение и фиксируется в диал. (б/у места) *непочётливый* 'неучтивый, невежливый' (*Непочестлив хозяин, непочестливо и гостям*) [СРНГ, т. 21, с. 123], яросл., свердл., ср.-урал. *неочётливый* и *неочётливый* 'неучтивый, невежливый' (*Про суседку ли про кого ли говорят: неочестлива, примат плохо гостей*) [СРНГ, т. 21, с. 107]. В основе этих характеристик хозяина лежит глагольная семантика, подтверждаемая глаголами, имеющими значения 'принимать гостей' / 'быть гостем' и мотивировки «оказывать честь, чествовать» / «быть чествуемым»: вят., волог. *почитáть* 'хорошо принимать, угощать' (*Что-то плохо ты считаешь гостей*) [СРНГ, т. 31, с. 16], арх. *начестítься* 'долго пробыть в гостях, нагоститься' [СРНГ, т. 20, с. 285], новг., пск. *очестítь* 'угостить, обнести гостей закуской, вином' [СРНГ, т. 25, с. 66]. Этимологически же восстанавливается смысл «мыслить, считать, давать оценку». Родственные праслав. **čьstь* и **čьtiti*, сближаемые с **čьsti*, **čisti*, **čitati*, имеют счетную либо интеллектуальную

семантику и восходят к и.-е. **kit-* / **ket-* ‘замечать, понимать’, ср. др.-инд. *cītti* ‘мышление, понимание, намерение’, авест. **čisti* ‘мышление, понимание’ [ЭССЯ, т. 4, с. 176]. Разделение гостей на «дорогих» (вновь слово со счетной семантикой) и «всех прочих» известно и обряду, и бытовой коммуникации, ср. иллюстрацию к калуж. *почéчный* ‘предназначенный для почетных гостей (о кушаньях, угощении)’ (*Гостей своих хозяин делит на два разряда, к первому принадлежат родственники, а также те, которых крестьянин уважает, этот разряд угощается лучшими блюдами, известными под общим названием почечных*) [СРНГ, т. 31, с. 10]. Львиная доля чествования заключается в угощении гостя, отсюда обозначения кушаний с соответствующей внутренней формой: север., волог. *прочéстье* ‘в свадебном обряде – угощение в доме жениха на третий день свадьбы (главным образом для родственников и гостей невесты)’ [СРНГ, т. 33, с. 39], арх. *пóчесть* ‘кушанье, угощенье’ (*Кушайте, дорогие гости, вся поцесть на столе*) [СРГК, т. 5, с. 127], калуж. *почéстные кушанья* ‘кушанья, которыми в праздники угощают почетных гостей’ [СРНГ, т. 21, с. 5] и др.

Среди характеристик хозяина присутствуют слова с корнем *-рад-*: олон. *доброрáдный* ‘сердобольный, гостеприимный’ [СРНГ, т. 8, с. 78], новг. *радíмый* ‘радушный, гостеприимный’ [СРНГ, т. 33, с. 248], твер. *радúщий* ‘гостеприимный, радушный’ [СРНГ, т. 33, с. 250], ср. пск., твер. *ра́дом* ‘радушно, от души’ (*Мы принимаем гостей не нарядом, а радом*) [СРНГ, т. 33, с. 249]. Сюда же, вероятно, волог., новг., ленингр. *родíмый* ‘добрый, приветливый, гостеприимный’ (*Вот эта ведь родимая старушка, а та скупая, жадная*) [Там же, с. 546], ленингр. *неродíмый* ‘неприветливый, негостеприимный’ (*Идешь в Тихвин, там постучись к кому, так не пустят, неродимые люди*) [Там же, т. 4, с. 11] (с учетом явления аттракции: слова с корнем *-род-* притягиваются к словам с корневым *-рад-*). Для корневого *-рад-* в этих лексемах этимологически восстанавливается либо слав. **ordъ* (< и.-е. **ārda-*), либо слав. **radъ* (и.-е. < **rēd-* ‘ободрять, по-

ощрять; веселый'), которые в «Этимологическом словаре славянских языков» представлены в одном гнезде с комментарием: «Едва ли есть необходимость в разграничении на и.-е. уровне слав. **radъ* / **ordъ* в значении 'веселый' и 'рад, готов'» [ЭССЯ, т. 32, с. 161]. К этому гнезду относятся *радеть* 'стараться о чьей-либо пользе, усердствовать' [СЦСРЯ, т. 4, с. 5], *радъ* 'чувствующий удовольствие' и 'готовый что-либо сделать' [Там же, с. 4], *радивый* 'попечительный, рачительный' [Там же], *радити* 'заботиться' [Срезн., 3/1, с. 12] и др. В сущности этимологически близким является арх., волог. *ródственный* 'добрый, отзывчивый, приветливый, гостеприимный' [СРГК, т. 5, с. 548] (< *родство* < *род*, далее восходит также к праслав. **ordъ* [Фасмер, т. III, с. 491]; праслав. *rodъ* < *ordъ*, может быть, связано с *rosti*, *rasti* < **ordtei* [ЕСУМ, т. 5, с. 89]; праслав. *roditi* < *orditi* [Трубачев, 2004, с. 246] с развитием значений 'расти' / 'растить' > 'рождать' [Трубачев, 1959, с. 151–153]). Номинации с корнями *rad-* / *rod-* репрезентируют заботливое отношение хозяев к гостям.

Любезность в обращении с гостем зафиксирована в пск., твер., новг. *лестить* 'ухаживать; принимать радушно гостей' [СРНГ, т. 17, с. 13] – от *лесть*, восходящего к праслав. **lьstь* 'хитрость, обман' [ЭССЯ, т. 17, с. 97–99]. Происхождение слова вскрывает возможность неискренней, демонстративной, показной приветливости хозяев, необходимость соблюдения ими лишь внешнего канона поведения при встрече гостей – учтивости, угождения, ср. *лесть* 'проискливая хвала; притворное одобрение; похвала с корыстной целью; лукавая угодливость; ласкательство, униженное потворство' [Даль, т. II, с. 641], ряз., тул., ворон. *лестливый* 'ласковый, приветливый, обходительный' [СРНГ, т. 17, с. 13], волог. *лэсти* 'ласковые слова, ласковое обращение' [Там же].

Характерные черты в образ хозяина привносят мотивировочные признаки «ласкать», «беречь», сочетание которых с формантами *об-* и *за-* актуализирует идею окружения, захвата объекта: пск., смол. *облащивать* 'проявить радушие, гостеприимство' [СРНГ, т. 22, с. 89]

(от ласка, ср. смол. *обла́щивать* ‘гладить по голове, ласкать’ [Там же]), пск., смол. *заберега́ть* ‘очень хорошо угощать, гостеприимно принимать’ [СРНГ, т. 9, с. 252], пск. *заберёга* ‘гостеприимство, угощение’ [Там же].

Через соединение смыслов ‘отзывчивый, добрый’ (актуализирован мотивировкой «простой») и ‘искренний, чистосердечный’ (эксплицируемый из мотивировки «совесть») можно толковать мурман. *простосове́стный* ‘приветливый, гостеприимный’ (*Мы таки простосовестны*) [СРНГ, т. 32, с. 251]. Слово *простой* и его производные устойчиво используются в качестве обозначений бесхитростности, доброты, открытости: терск., урал. *простота* ‘доброта, отзывчивость’ [Там же], волог. *простота евангельская* ‘о добром, простом человеке’ [Там же], урал. *узнать простоту* ‘воспользоваться слабостью, доверчивостью, щедростью, неумением отказать’ [Там же], а также общенар. *простой* ‘прямой, бесхитростный, простодушный’ [ССРЛЯ, т. 11, с. 1397]. Второй корень выражает сему ‘честный, чистосердечный’, которая актуальна для номинатора как указание на искреннюю, «настоящую» доброту хозяев, не показную любезность, ср. литер. *по совести* ‘честно, справедливо; откровенно, чистосердечно’ [ССРЛЯ, т. 14, с. 75], калуж. *пове́рить сове́сти* ‘пове́рить искренности, правдивости’ [СРНГ, т. 39, с. 181], дон. *от совести* ‘искренне, бескорыстно, от всей души’ (*Вот просит у меня соседка чаю, я ей дам от совести, не жалеючи*) [Там же]. Внутреннюю форму прилагательного *простосове́стный* можно прочесть как «искренне добрый».

В словообразовательном плане примечательны композиты, образованные соединением ‘хотеть’ и ‘добро’ и выражающие расположение хозяев, готовность принимать гостей: олон., пск. *доброхо́титься* ‘быть гостеприимным, хлебосольным’ [СРНГ, т. 8, с. 79], пск., твер. *доброхо́тный* ‘хлебосольный, гостеприимный’ [СРНГ, т. 8, с. 80], ср. литер. *доброхотный* ‘доброжелательный, радушный’ [ССРЛЯ, т. 3, с. 849]. Максимально близкий формально-семантический аналог

этим номинациям в литературном языке — слово *доброжелательный*. Ср. также рус. (карел.) *желáтельный* ‘гостеприимный, доброжелательный’ (*Он очень желательный, всегда в гости к нему приходят*) [СРГК, т. 2, с. 44].

Синтетический комплекс социально-психологических характеристик, обозначаемых в говорах словом *рахманный*, явился основой для возникновения ленингр. *рахма́нный* ‘гостеприимный’ [СРГК, т. 5, с. 500], север., вост., моск., твер., яросл., влад., олон., брян. *рахма́нный* и *рахма́ный* ‘гостеприимный, хлебосольный’ [СРНГ, т. 34, с. 343], ленингр. *рахма́нѣга* ‘тот, кто щедр, гостеприимен’ [СРГК, т. 5, с. 500], брян. *рахма́нина* ‘добрый, покладистый, гостеприимный человек’ [СРНГ, т. 34, с. 342]. Слово происходит от обозначения *брахман*, распространившегося благодаря «Хождению Зосимы» и «Сказанию об Александре», усвоенного с искажением (др.-рус. *рахмане*, *врахмане*) [Фасмер, т. 3, с. 449] и способного дать широчайший спектр значений от ‘тихий, скромный’ до ‘чуждой, непонятный’. Стереотипы представлений об одной из социальных групп проявились в семантике производных от *рахмане*. Региональные словари дают несколько значений, имеющих потенциал для актуализации при номинировании гостеприимства. Основные семантические линии следующие: 1) спокойствие, смиренность, простодушие — пск., смол., орл., тул., казан., юго-зап., юго-вост., зап., калуж., влад., брян., калин. *рахма́нный* ‘тихий, спокойный, смиренный, кроткий’ [СРНГ, т. 34, 343], смол. *рахма́нник* ‘тихий, спокойный, невозмутимый человек’ [Там же, с. 342], 2) доброта — рус. (карел.), нижегор., вят., твер., петерб., яросл. *рахма́нный* ‘добрый’, влад., костр., орл., вят., яросл., твер. *рахма́нный* ‘простодушный, бесхитростный, простой’, сев.-зап. *рахма́нник* ‘добродушный человек, добряк’; 3) щедрость — влад. *рахма́нничать* ‘богато, роскошно жить’, арх., яросл., рус. (карел.) *рахма́нно* ‘богато, роскошно’, ряз. *рахма́нно* ‘широко, щедро, расточительно’, арх., олон., петерб., новг., вер., влад. ‘не жадный, не скупой, щедрый’; 4) обходительность — вят., яросл.,

орл. *рахма́нный* ‘ласковый’, олон., яросл. *рахма́нный* ‘обходительный, учтивый’; 5) общительность — север., вост., вят., костр., яросл. *рахма́нный* ‘веселый, жизнерадостный’ и ‘разговорчивый, общительный’ [СРНГ, т. 34, с. 342—344]. Высокая степень экспрессивности дериватов этого гнезда стала причиной того, что коннотативный фон слова представляет собой трудно расчленимый семантический комплекс. Смысловые линии сходятся в инварианте «положительная коммуникативная характеристика человека».

Таким образом, мотивировки, отсылающие к образам социальной коммуникации, выявляются, как ни странно, преимущественно в характеристиках хозяев.

5. Речевой код

Вербализованный характер общения и приглашение в гости как значимый элемент ситуации «Гощение» обусловили привлечение носителем языка средств речевого кода, ср. обозначение важного качества хозяина: перм. *пригласи́тельный* ‘гостеприимный’ (*Она (дочь) у меня слишком пригласительная*) [СПГ, т. 2, с. 204].

Обыденное сознание различает гостей приглашенных и неприглашенных, поэтому их обозначения апеллируют к названиям речевых действий, совершаемых хозяевами, – *звать, просить, кликать, зыкать, молвить*: смол., краснодар., забайкал. *про́шенный / про́шенный гость* ‘званный гость’ [СРНГ, т. 33, с. 47], ср.-урал. *зв́анка* ‘званные гости’ [СРНГ, т. 11, с. 210], свердл. *званьё, зв́анка* ‘званные гости’ [ЭИС, вып. IV, с. 10], диал. (б/у места) *зв́анка* ‘званная, приглашенная гостья’ [СРНГ, т. 11, с. 209], смол. *зв́атый* ‘званный гость’ [СРНГ, т. 11, с. 211], твер. *на́звинь* ‘званные гости’ [СРНГ, т. 19, с. 277], пск., твер. *на́звань* (собр.) ‘то же’ [Там же], свердл. *зв́анье* ‘то же’ [СРНГ, т. 11, с. 209], диал. (б/у места) *первозв́анные го́сти* ‘гости, приглашенные первыми, почетные, важные, лучшие’ [СРНГ, т. 26, с. 10], ср.-урал. *зов* ‘свадебные гости’ (*Вон какой зов был шибко большой: коней полну ограду наставили. Венчаются. Поез весь, зов весь едут к венцу*) [СРНГ, т. 11, с. 325].

Процессуальная семантика (сам акт приглашения гостей)¹ отражена в олон. *просить кого-либо во почётное во гостёбище* ‘просить быть почетным гостем’ [СРНГ, т. 31, с. 5], сиб. *зов* ‘приглашение в гости’ [СРНГ, т. 11, с. 325], пск., твер. *призы́вуха* ‘созыв гостей’ [СРНГ, т. 31, с. 230], вят. *зв́анцы* ‘зов, приглашение’ [СРНГ, т. 11, с. 210], онеж., олон., моск. *зв́ание* и *званьё* ‘зов, приглашение’ (*Ты никогда без званьё не приходишь*) [Там же, с. 209], ряз., краснояр. *зв́аться* ‘получать приглашение, быть приглашенным’ [Там же, с. 211], тобол. *зв́аться между собою* ‘приглашать друг друга в гости’ [Там же], арх., ср.-урал. *зы́кать (в гости)* ‘приглашать (в гости), звать’ [СРНГ, т. 12, с. 35], яросл., волог. *примóлвить* ‘пригласить из вежливости, между прочим’ (*Сестру я позвала в гости, а соседку примолвила*) [СРНГ, т. 31, с. 297], арх. *примóвить* ‘пригласить (в гости)’ [СРНГ, т. 31, с. 296], яросл., арх. *примáвливать* ‘приглашать (в гости)’ [СРНГ, т. 31, с. 284], яросл. *примóлвить* ‘пригласить (в гости) из вежливости, между прочим’ (*У самого его дома разговаривали, и то он не примовлил*) [СРНГ, т. 31, с. 284], волог., арх., яросл., твер., калин., вят., сарат., забайкал. *примóлвить* ‘пригласить (в гости)’ [СРНГ, т. 31, с. 297].

Созывание гостей запечатлено и во внутренней форме названий посещений: свердл. *зв́анка* ‘званная вечеринка’ [СРНГ, т. 11, с. 210], пск. *призы́вуха* и новосиб. *призы́вуха* ‘званный обед, угощение для званных гостей’ [СРНГ, т. 31, с. 230].

1 Как показывают исследования, проведенные на материале славянских языков (Т. А. Агапкина, А. К. Байбурин, И. А. Седакова, С. М. Толстая, А. Л. Топорков; см. также статью «Приглашать» в словаре «Славянские древности» [СД, т. 4, с. 265–269]), оповещение гостей в народной культуре часто обставляется как обряд, и большинство номинаций анализируемой нами группы слов заключают в себе ритуальные смыслы, в других же случаях привлечение глагола речи в качестве производящей основы обусловлено представлениями о бытовом приглашении в гости. Ряд слов представляют собой обозначения «специального» человека, выполняющего поручение созвать гостей: юго-зап. *проса́тый* ‘лицо, приглашающее гостей на свадьбу’ [СРНГ, т. 32, с. 223], перм., урал. фольк. *кличник* ‘глашатай’ (*Был ты у меня спальником, а теперича станешь кличником. А ставать тебе ранехонько, По всем улицам, проулочкам гонять, Мильгх гостей зазывать*) [СРНГ, т. 13, с. 299] и др.

От *звать* образованы языковые факты, описывающие очередность гощения (сарат. *В гости я хожу без охоты, а чтобы отвести черед* [СРНГ, т. 24, с. 141]), поскольку отгостившие должны пригласить («позвать») к себе хозяев принимающего дома: орл. *звѣться домами* ‘бывать друг у друга в гостях’ [СРНГ, т. 11, с. 211]. Ответный характер приглашения и его очередность передаются соответственно приставками *от-* и *пере-*: диал. (б/у места) *отзѣвины* ‘ответное посещение’ [СРНГ, т. 24, с. 189], диал. (б/у места) *перѣзвы* ‘взаимный зов и посещения в продолжение свадебных празднеств’ [СРНГ, т. 26, с. 109].

Пребывание в гостях и застолье сопровождаются беседами (новг. *застѣлица* ‘застольная беседа’ [СРНГ, т. 11, с. 63], влад. *Ходит по гостям да все семейные брязги рассказывает* [СРНГ, т. 3, с. 228]), поэтому вовлекается лексема *разговор*: рус. (карел.) *быть на разговорах* ‘быть в гостях’ (*На разговорах не были они у меня*) [СРГК, т. 5, с. 406], сиб. *сибирский разговор* ‘молчаливое шелканье кедровых орехов в гостях, на посиделках’ [ФСРГС, с. 162].

Следовательно, речевой код используется при образовании номинаций сферы «Гощение» потому, что носитель языка имеет представление о речевых актах приглашения и беседы как частях фрейма гощения.

6. Обиходно-бытовой код

«Донорство» лексем, описывающих быт, предметно-материальный мир, предопределено вниманием номинатора к атрибутам гощения, в частности, к обычаю надевать лучшую одежду для выхода в гости, обычаю одаривания.

Внимание отправляющегося в гости человека к тому, в какой одежде он выходит «на люди», запечатлено в мотивировочном признаке «модный»: перм. *вѣмодье* ‘выход в гости’ [СРНГ, т. 5, с. 313], урал. *вымодной* ‘предназначенный для выхода в гости, модный (об одежде, обуви)’ [Там же], костр. *идти на вѣмод* ‘выходить из дому,

идти на люди, в гости' [ЛК ТЭ], ср. перм., свердл., ярсл., твер., новг, пск. *модѣть*, ср.-урал., костр., ярсл., моск., твер., смол., волог., том. *модіться* 'форсить, щеголять, наряжаться' [СРНГ, т. 18, с. 197].

В рассматриваемом лексико-семантическом фонде присутствует метафора взаимных «расчетов» – за угощение либо за само посещение (отсюда привлечение мотивировок «грош», «пятак», «пошлина», «отдаривать»). Взаимодействия между гостями и хозяевами имеют форму обмена, что становится явственно из таких обязательных элементов приема гостей, как потчевание и дарение: «Универсальной формой обменных отношений являются отношения гостеприимства, осуществляемого в форме взаимного обмена подарками (“эквивалентные дары” как форма “предторговли”), взаимного угощения между хозяином и гостем, которые могут меняться ролями» [Невская, 1997, с. 446], см. об этом же: [Гамкрелидзе и др., 1984, с. 754]. Гости традиционно приносят гостинцы для хозяев, ответным подарком которых является, прежде всего, угощение. В контексте «торгового обмена» получает должное объяснение формула приветствия: мурман. *к váшему грошú со своїм пятаком* 'о том, что приносят с собой к столу, идя в гости' (*Принимайте гостей, вина принесли с собой: к вашему грошу со своим пятаком*) [СРГК, т. 5, с. 379]. Трактовка подарка как своеобразной платы за гостеприимство лежит и в основе ярсл. *пóшлина* 'подарки жениху от гостей (обычно съестное)' [СРНГ, т. 31, с. 36]. Ответное посещение представлено в языке как ответное одаривание: перм. *отдар* [удар.?] 'ответное посещение новобрачными особо именитых свадебных гостей (в благодарность за их присутствие на свадьбе)' [СРНГ, т. 24, с. 161].

Обращение номинатора к обиходно-бытовому коду говорит о том, что существуют устойчивые представления об атрибутах гощения.

Хозяйственные метафоры выявляются в обозначениях нежеланного гостя, отсылающих к образам коровы, которая бродит по деревне, и крота. Так, перемещение человека – гостя – от дома к дому запечатлено в народной фразеологии при помощи образа бродящего

по деревне животного: омск. *походли́вый как корóва* ‘о человеке, который редко бывает дома, любит ходить по гостям’ [ФСРГС, с. 150], урал. *балала́ва корова* ‘о сплетнике, переносчике новостей, слоняющемся по деревне из дома в дом’ [СРНГ, т. 2, с. 70] («Лет 60–70 тому назад жил в Уральске казак Балалаев, по-видимому плохой хозяин, плохо кормящий скотину, потому что его корова с утра выгонялась со двора и должна была искать корм по чужим саням и по чужим дворам. Теперь эта фраза стала нарицательной и говорится про тех, кто не сидит дома, а бегает по соседям со сплетнями и проч. – «чисто балалава корова», то есть слоняющаяся по дворам») [Там же]. Другая зоологическая метафора представлена в курск. *потурóйка* ‘женщина, которая любит ходить по чужим домам’ [СРНГ, т. 31, с. 317], которое в тульских, калужских, орловских говорах является также обозначением крота [Там же]. Причиной вовлечения образа в «гостевую» сферу стало представление о кроте как неприятном и неожиданном «госте» на земельных участках. Народной культуре известны магические способы изгнания и изведения кротов и обереги от них [СД, т. 2, с. 683]. В образах коровы и крота актуализированы в данном случае не их «природные характеристики», здесь важнее оказался взгляд на них через призму деревенского быта.

Наконец, образный слой обиходно-бытового кода составляют номинации *ржавый гость*, *серебряный гость*, *золотой гость*, внутренняя форма которых «декодируется» только в комплексе, поскольку в них реализуется метафора сравнения ценных металлов, передающая степень одобрения действий гостя.

7. Мифологический код

Персонажи потустороннего мира, согласно народному мировоззрению, причастны к появлению гостя. Приход нежеланного, неприглашенного гостя видится как следствие игр демонических сил – лешего, любящего шалить и досаждать людям, сбивать их с пути: олон. *ламáн его принёс* ‘говорят о незваном госте’ [СРНГ, т. 16, с. 252] (олон.

ламáн ‘леший’ [Там же]), урал. *лешакí перенесlí, лешá принёс* (*несёт, привёл*) ‘о том, чей приход некстати’ [СРНГ, т. 17, с. 30], иркут. *лэший привёл* ‘о том, чей приход крайне нежелателен’ [Там же, с. 33]. Реликт представлений о том, что приход гостя – проявление божьего промысла, сохранен в пск. *Бог нанёс* (*нанесé*) ‘о неожиданном появлении кого-н.’ (*А эта вот как Бог нанёс добрава человека; Тихава Бох нанесе, а бодрый и сам наскоче*) [ПОС, т. 20, с. 108] и ироническом омск. *явiлась святáя мiлостъ* ‘о нежелательном госте’ [СРНГ, т. 37, с. 7].

8. Визуальный код

В названиях посещений реализованы зрительные мотивы. Согласно наивно-языковому мышлению посетить значит «заглянуть» в чужой дом: север. *засмотрéньице* ‘посещение’ [СРНГ, т. 11, с. 46], смол. *простудíть бельмы́* ‘отдохнуть, побеседовать с кем-либо, сходить в гости’ [СРНГ, т. 32, с. 255], ср. литер. разг. *заглядывать* ‘заходить, заезжать, наведываться’ [ССРЛЯ, т. 4, с. 347].

9. Метеорологический код

Из числа элементов природного кода в лексико-семантическом поле «Гощение» эксплуатируется образ вихря. С активностью движения связано ворон. *вiхорная ба́ба* ‘женщина, которая беспрестанно бегаёт по гостям или по чужим домам’ [СРНГ, т. 4, с. 306], которое, кроме семантики стремительного движения, имеет коннотации «отсутствие привязанности к дому» и «легкомыслие», ср. диал. (б/у места) и ряз. *вiхорничать* ‘быть легкомысленным, ветреным, непостоянным; часто менять место службы’ [Там же], диал. (б/у места) *вiхриться* и *вихрiться* ‘скитаться, не имея приюта’ [Там же].

В целом образ *вихорной бабы* объясним и исходя из интерпретации слова *вихорный* с опорой на этимологическое значение витья (от *вить* [Фасмер, т. 1, с. 324]), однако в пользу реконструкции «метеорологического» образа говорит существование поверий, согласно которым вихри связаны с нечистой силой, являются ее воплощениями,

проявлениями: ряз. *віхорь* ‘злой дух’ [СРНГ, т. 4, с. 306], ряз., тул, вят., саратов, тамб. *віхор* ‘нечистая сила, якобы находящаяся в вихрях’ [СРНГ, т. 4, с. 305], тул. *віхорный* ‘род мифического существа’ [СРНГ, т. 4, с. 306]. При этом свойство налетать, посещать – одна из значимых характеристик стихий, им даже приписываются взаимные гостевые посещения: казан. *вихри* ‘летающие друг к другу в гости злые духи, – так думают суеверные чувашаи о вихрях’ [СРНГ, т. 4, с. 306]. На этом фоне вовлечение слова *вихорный* в лексико-семантическое поле «Гощение» кажется закономерным.

10. Заключение

Итак, мы представили лексику поля «Гощение» согласно предметно-тематическим кодам, элементы которых берутся за основу номинатором при осмыслении объектов и событий гостевой коммуникации. Надо сказать, что мотивы (вскрывающие причину выбора номинатором той или иной внутренней формы слова) редко требовали отдельного комментария, поскольку метафорические переносы в изучаемом лексическом пространстве немногочисленны. Можно привести в пример диал. *жировать* ‘гостить’, *калядски гость* ‘засидевшийся гость’, *походливый как корова* ‘кто любит ходить по гостям’, *золотой гость* ‘кто вовремя уходит из гостей’ и др. Здесь мотивы подлежат экспликации на основе образа, см., например: «жир» → «богатство, довольство» → «особое положение гостя, окруженного вниманием хозяев». По преимуществу же номинации поля «Гощение» содержат во внутренней форме указание на один из признаков ситуации приема гостей без опосредования метафорой. Например, временные смыслы являются по сути отражением на уровне мотивировки, без привнесения образности, временных сем, входящих собственно в лексическую структуру слова (сем своевременности / несвоевременности прихода или ухода, а также продолжительности гощения – неделя, год).

Набор предметных кодов (пространственно-временной, кулинарно-гастрономический, социально-коммуникативный, речевой, оби-

ходно-бытовой и др.) в большей своей части воссоздает, таким образом, фреймовость представлений о гощении.

Присутствует, конечно, и асимметрия (несовпадение) состава, с одной стороны, комплекса актуальных идеограмм (и составляющих их сем) и комплекса релевантных мотивов в поле «Гощение». Например, временные смыслы нечасто закладываются во внутреннюю форму номинаций сферы «Гощение», в то время как в наборе идеограмм временной регламент гощения (установки, запреты) репрезентирован многосторонне и подробно. В свою очередь, пространственные семы в структуре собранных нами слов подчеркнуты преимущественно в обозначениях дома, избы как места гощения, специального места для гостя в доме или за столом, но мотивационный анализ показывает, что номинатор чаще обращается не к лексике локализации в пространстве, а к лексике перемещения (*приходить, уходить, собираться, бродить, слоняться* и др.).

Итак, наиболее продуктивными оказались модели образования номинаций от лексики движения, перемещения в пространстве, что находится в согласии с данными ассоциативных словарей («Словарь ассоциативных норм русского языка», «Русский ассоциативный словарь», «Славянский ассоциативный словарь», «Русские предикативные ассоциативные сочетания»), в которых отмечается высокая частотность реакций «пришел», «ушел» на стимул «гость». Это означает, что в наивно-языковом сознании гощение закономерно осмысливается прежде всего в категориях пространственных перемещений (гость – временная роль, актуализирующаяся только с вторжением в чужое пространство). Интересно, что Л. В. Балашова, изучающая специфику формирования и развития социального метафорического макрополя, замечает: «По происхождению больш́ая часть социальной лексики является производной от пространственной и натуралистической» [Балашова, 2014, с. 83].

Второй по номинативной плотности лексический сегмент поля образован словами и фразеологизмами, во внутренней форме кото-

рых содержатся отсылки к представлениям об угощении как части фрейма приема гостей. Средствами социально-коммуникативного кода запечатлены, с одной стороны, маркировка гощения как понятия сферы коммуникации (внутренняя форма части слов это поля – «люди»), а с другой стороны, «норма» поведения хозяев с гостями: расположенность, благожелательность, заботливость, щедрость. Речевой код прямо отсылает к таким частям фрейма, как созывание гостей и поддержание беседы. Обиходно-бытовой код объединяет элементы весьма неоднородные и сам по себе не позволяет составить цельной картины, маркируя разные части ситуации гощения: дарение гостинцев, поведение гостя, одобрение или неодобрение хозяевами поведения гостя. Мифологический код манифестирует сакральную основу появления гостя (только этот «участок» фрейма здесь оказывается актуализированным). Привлечение средств визуального кода объясняется, вероятно, осознанием гощения как сферы непосредственного (прямого) контакта: гость и хозяин вступают в прямую коммуникацию, видят друг друга. Следовательно, мотивационный анализ подтверждает фреймовость представлений о гощении.

Литература

1. *Александрова А. Е.* Структурно-семантические особенности лексем с малопродуктивными архаичными именными приставками па-, пра-, су- в русском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. Е. Александрова. — Тверь, 2003. — 22 с.
2. *Байбурин А. К.* У истоков этикета : этнографические очерки / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. — Ленинград : Наука, 1990. — 166 с.
3. *Байрамова Л. К.* Человек гостеприимный: ценности и модели поведения (на материале русских и татарских паремий) / Л. К. Байрамова, Р. Д. Юнусова // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2008. — Т. 150. — № 2. — С. 90—96.
4. *Балашова Л. В.* Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее / Л. В. Балашова. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 496 с.
5. *Банкова Т. Б.* Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективации в языке / Т. Б. Банкова // Вестник ТГУ. Бюллетень оперативной научной информации «Обрядовое слово как языковой и культурный

феномен: статус и региональная специфика». — 2006. — № 112. — С. 20—34.

6. *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. — Москва : Индрик, 2007. — 600 с.

7. *Болхоева А. Б.* Национальная специфика концепта «гостеприимство» в русской и англоязычной культурах / А. Б. Болхоева // Культура общения и ее формирования. — Воронеж : Полиграф, 2001. — Вып. 8. — С. 69—71.

8. *Винантова И. В.* Структурно-синтаксические закономерности выражения речевого акта «приглашение (в гости)» в русском языке / И. В. Винантова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2010. — № 3. — С. 41—44.

9. *Гамкрелидзе Т. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы : Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в двух частях / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. — Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. — Часть 1. — 1330 с.

10. Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах / В. И. Даль. — Москва : Русский язык, 1981—1982. — Репринт с изд.: Москва, 1880—1882. — Т. I—IV.

11. ЕСУМ — *Етимологічний* словник української мови: у 7 т. / голов. ред. О. С. Мельничук. — Київ : Наукова думка, 1982—2006. — Т. 1—5.

12. *Зализняк А. А.* Гости как мероприятие в русском языке и картине мира / А. А. Зализняк // Россия. Русистика. Россияведение : Книга 1 : Язык. История. Культура / отв. ред. Е. И. Пивовар. — Москва : РГГУ, 2010. — С. 100—114.

13. *Захарова Т. В.* Отражение социальной значимости гостеприимства в русских пословицах / Т. В. Захарова, О. А. Турбина // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: лингвистика. — 2008. — № 16. — С. 46—53.

14. *Захарова Т. В.* Семантика угощения в русских и французских пословицах о гостеприимстве / Т. В. Захарова // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: лингвистика. — 2010. — № 1. — С. 75—78.

15. *Кабакова Г. И.* Концепт чести в ритуале гостеприимства / Г. И. Кабакова // *Etnolingwistyka*. — Lublin, 2013. — Т. 25. — С. 18—28.

16. *Кабакова Г. И.* Русские традиции гостеприимства и застолья : монография / Г. И. Кабакова ; рецензенты : д.ф.н. С. М. Толстая, д.ф.н. О. В. Белова. — Москва : Форум, 2015. — 464 с.

17. КСРНГ — *Картотека* словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).

18. *Лаврентьева Л. С.* Соль в обрядах и верованиях восточных славян / Л. С. Лаврентьева // Сборник Музея антропологии и этнографии. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1992. — Т. 45. — С. 44—55.

19. *Леонтьева Т. В.* Негативные коннотации лексики гощения (на материале русских народных говоров) / Т. В. Леонтьева // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. — 2011. — № 3. — С. 20—25.

20. *Леонтьева Т. В.* Ситуация гощения в русской языковой картине мира / Т. В. Леонтьева // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2010. — № 1 (72). — С. 81—93.

21. ЛК ТЭ — *Лексическая* картотека топонимической экспедиции УрФУ (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета имени Первого Президента Б. Н. Ельцина, Екатеринбург)

22. *Морозова Е. Б.* Агрессия в бытовой коммуникации: ситуация «гость – хозяин» / Е. Б. Морозова // Агрессия в языке и речи: сборник научных статей / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. — Москва : РГГУ, 2004. — С. 67—80.

23. *Небуа-Момбе, Ж.* Русское гостеприимство во французском популярном романе конца XIX в. / Ж. Небуа-Момбе // Традиционные и современные модели гостеприимства : материалы российско-французской конференции, 7—8 октября 2002 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед., Ун-т им. Б. Паскаля, Центр изучения новых и новейших лит. — Москва : Изд-во РГГУ, 2004. — С. 243—259.

24. *Невская Л. Г.* Концепт *гость* в контексте переходных обрядов / Л. Г. Невская // Из работ московского семиотического круга. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — С. 442—452.

25. ПОС — *Псковский* областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.

26. *Пьянкова К. В.* Лексика, обозначающая категориальные признаки пицы, в русской языковой традиции : этнолингвистический аспект : диссертация... кандидата филологических наук : 10.02.01 / К. В. Пьянкова. — Екатеринбург, 2008. — 251 с.

27. СВГ — *Словарь* вологодских говоров. — Вологда : Русь, 1983—2007. — Вып. 1—12.

28. СГРС — *Словарь* говоров Русского Севера / под ред А. К. Матвеева. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001—2009. — Т. 1—4.

29. СД — *Славянские* древности : этнолингвистический словарь : в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995—2012. — Т. 1—5.

30. СОГ — *Словарь орловских говоров* / под ред. Т. В. Бахваловой. — Ярославль, Орел, 1989—2007. — Вып. 1—15.
31. СПГ — *Словарь пермских говоров* / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.
32. СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*: в 6 выпусках / гл. ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994—2005. — Вып. 1—6.
33. СРГС — *Словарь русских говоров Сибири* : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. — Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999—2006. — Т. 1—5.
34. СРГСУ — *Словарь русских говоров Среднего Урала* : в 7 томах. — Свердловск : Среднеуральское книжное изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964—1987. — Т. 1—7.
35. СРГСУ/Д — *Словарь русских говоров Среднего Урала* : дополнения / под ред. А. К. Матвеева. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. — 580 с.
36. Срезн. — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 томах / И. И. Срезневский. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1893—1912. — Т. I—III.
37. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* : в 44 томах / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. — Москва; Ленинград; Санкт-Петербург : Наука, 1965—2011. — Вып. 1—44.
38. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 томах. — Москва : Наука ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1948—1965. — Т. 1—17.
39. СЦСРЯ — *Словарь церковно-славянского и русского языка*, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4 томах. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1847. — Т. 1—4.
40. Толстая С. М. Пространство слова : лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. — Москва : Индрик, 2008. — 528 с.
41. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. — Москва: Изд. АН СССР, 1959. — 220 с.
42. Трубачев О. Н. Труды по этимологии : Слово. История. Культура : в 4-х томах / О. Н. Трубачев. — Москва : Языки славянской культуры, 2004—2009. — Т. 1. — 2004. — 800 с.
43. Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 томах / Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. I—IV.

44. ФСРГНП — *Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры*: в 2 томах / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., Коми гос. пед. ин-т ; сост. Н. А. Ставшина. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — Т. 1—2.

45. ФСРГС — *Фразеологический словарь русских говоров Сибири* / под ред. А. И. Фёдорова. — Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1983. — 232 с.

46. ЧПИ — *Алексеевко М. А.* Человек в производных именах русской народной речи: словарь / М. А. Алексеевко, О. И. Литвинникова. — Москва : Элпис, 2007. — 520 с.

47. ЭИС — *Востриков О. В.* Традиционная культура Урала : этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области / О. В. Востриков, В. В. Липина. — Екатеринбург : Свердловский областной Дом фольклора ; Уральское литературное агентство, 2000—.

48. ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков: праслав. лексич. фонд* / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. — Москва: Наука, 1974—2009. — Вып. 1—35.

49. *Юнусова Р. Д.* Фразеологизмы о гостеприимстве в русском и татарском языках / Р. Д. Юнусова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2010. — Т. 1. — № 2. — С. 47—50.

50. ЯОС — *Ярославский областной словарь*. — Ярославль, 1981—1991. — Вып. 1—10.

Сокращения

- авест. — авестийское
- алт. — алтайское
- аор. — аорист
- арх. — архангельское
- б/у места — без указания места
- барнаул. — барнаульское
- беломор. — беломорское
- блр. — белорусское
- болг. — болгарское
- брян. — брянское
- вел.-устюж. — великоустюжское
- ветлуж. — ветлужское
- влад. — владимирское
- волгогр. — волгоградское
- волж. — волжское

- волог. — вологодское
ворон. — воронежское
вост. — восточное: зафиксированное на территориях, находящихся к востоку от Москвы
вост.-закам. — восточно-закамское: записанное в русских говорах на территории Восточного Закамья
вост.-сиб. — восточносибирское: записанное на территории Восточной Сибири
вят. — вятское: записанное на территории Вятской губернии — административной единицы Российской империи, СССР (ныне на этих территориях располагаются части Кировской области, Удмуртии)
горьк. — горьковское: записанное на территории Горьковской (ныне Нижегородской) области
диал. — диалектное
диал. — диалектное
дон. — донское: записанное по реке Дону
др.-инд. — древнеиндийское
др.-прусск. — древнепрусское
др.-рус. — древнерусское
др.-чеш. — древнечешское
енис. — енисейское: записанное в Енисейской губернии (административно-территориальная единица в составе Российской империи и РСФСР в 1822—1925 гг.)
жарг. — жаргонное
женск. — женский род
зabayкал. — забайкальское
зап. — западное: зафиксированное на территориях, находящихся к западу от Москвы
знач. — значение
и.-е. — индоевропейское
иван. — ивановское
иван.-вознес. — иваново-вознесенское
иркут. — иркутское
каз.-некрас. — [из речи] казаков-некрасовцев
казан. — казанское
калин. — калининское (записанное на территории г. Калинина, существовавшего в 1931—1990 годах; впоследствии — Тверь)
калуж. — калужское

- камч. — камчатское
 карел. — карельское: записанное в русских говорах на территории Республики Карелии
 кемер. — кемеровское
 киров. — кировское
 колым. — колымское: записанное в Колымском округе Якутской области
 костр. — костромское
 краснодар. — краснодарское
 краснояр. — красноярское
 кубан. — кубанское
 куйбыш. — куйбышевское
 курган. — курганское
 курск. — курское
 ленингр. — ленинградское
 литер. — литературное
 макед. — македонское
 моск. — московское
 мурман. — мурманское
 неодобр. — неодобрительное
 нижегор. — нижегородское
 новг. — новгородское
 новосиб. — новосибирское
 общенар. — общенародное
 олон. — олонецкое: записанное на территории Олонецкой губернии — административной единицы Российской Империи с центром в г. Петрозаводске
 омск. — омское
 онеж. — онежское
 оренб. — оренбургское
 орл. — орловское
 пенз. — пензенское
 перм. — пермское
 петерб. — петербургское
 печор. — печорское: записанное по реке Печоре
 помор. — записанное в Поморье
 праслав. — праславянское
 пренебр. — пренебрежительное
 прикам. — прикамское

- прионеж. — прионежское
простореч. — просторечное
пск. — псковское
разг. — разговорное
рост. — ростовское
рус. — русское
рус. (карел.) — записанное в русских говорах на территории Республики Карелии
ряз. — рязанское
самар. — самарское
сарат. — саратовское
свердл. — свердловское
сев.-двин. — северодвинское: записанное по реке Северной Двине
север. — северное: зафиксированное на территориях, находящихся к северу от Москвы
сиб. — сибирское
симб. — симбирское: записанное на территории Симбирской губернии — существовавшей в 1796–1928 гг. административной единицы Российской империи и РСФСР
слав. — славянское
смол. — смоленское
собир. — собирательное
сов. — совершенный вид глагола
ср.-обск. — среднеобское
ср.-урал. — среднеуральское
ставроп. — ставропольское
сталингр. — сталинградское
сыктывк. — сыктывкарское
тамб. — тамбовское
твер. — тверское
терск. — терское: записанное на территории Терской области — административной единицы Российской империи
тобол. — тобольское
том. — томское
тул. — тульское
тюмен. — тюменское
тюрк. — тюркский язык
укр. — украинское
урал. — уральское

фольк. — фольклорное
челяб. — челябинское
чеш. — чешское
читин. — читинское
шир. распр. — широко распространенное
юж.-урал. — южноуральское
южн. — южное: зафиксированное на территориях, находящихся к югу от Москвы
яроsl. — ярославское

Units of Lexical-Semantic Field “Being on a Visit” in Motivational Aspect

© **Leontyeva, T. (2015)**, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian and Foreign Languages, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterin-burg), leotany@mail.ru.

The results of the motivational analysis of lexis that describes visiting are presented. They are preceded by a brief description of the field's semantic structure. The analysis of the words of this semantic domain shows that the units of lexical-semantic field “Being on a Visit” indicate a high degree of human behavior regulation in the guest communication. It is shown that social and regulatory meanings are concentrated in the semantics of units, while the motives, explicable on the basis of the analysis of the words internal form, do not consist of the strongly pronounced idea of regulation. Lexical units are grouped according to the motivational features, then – into large thematic unions corresponding with the fields of identification, or subject-thematic codes, such as spatial-temporal, culinary and gastronomic, social and communicative, speech and others. The order of codes presentation is defined according to the estimated diversity of primary stems involved by the nominator. The motifs of motion, staying anywhere, treating, prosperity, calling guests, keeping the conversation, caring, Divine Providence, presenting et al. are distinguished. Attention is paid to the fact that in naive linguistic consciousness visiting guests is conceptualized primarily in terms of movement. It is noted that there are only few metaphors in the studied lexical sphere. It is concluded that the motivational analysis confirms the frame representation of being on a visit.

Key words: guest; being on a visit; subject-themed code; motivational analysis.

References

- Aleksandrova, A. E. 2003. *Strukturno-semanticheskiye osobennosti leksem s maloproduktivnymi arkhainnymi imennymi prstavkami pa-, pra-, su- v russkom yazyke: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Tver'*. (In Russ.).
- Bayburin, A. K., Toporkov, A. L. 1990. *U istokov etiketa: etnograficheskiye ocherki*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Bayramova, L. K., Yunusova, R. D. 2008. Chelovek gostepriimnyy: tsennosti i modeli povedeniya (na materiale russkikh i tatarskikh paremiy). *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. 150(2)*: 90—96. (In Russ.).
- Balashova, L. V. 2014. *Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushcheye*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.).
- Bankova, T. B. 2006. Kulinaryny kod sibirskikh semeynykh obryadov: obyektivatsii v yazyke. *Vestnik TGU. Byulleten' operativnoy nauchnoy informatsii «Obryadovoye slovo kak yazykovoy i kul'turnyy fenomen: status i regional'naya spetsifika», 112*: 20—34. (In Russ.).
- Berezovich, E. L. 2007. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskiye issledovaniya*. Moskva: Indriks. (In Russ.).
- Bolkhoeva, A. B. 2001. Natsional'naya spetsifika kontsepta «gostepriimstvo» v russkoy i angloyazychnoy kul'turakh. *Kul'tura obshcheniya i ee formirovaniya. Voronezh: Poligraf. 8*: 69—71. (In Russ.).
- Gamkrelidze, T. V., Ivanov, V. V. 1984. *Indoeuropeyskiy yazyk i indoeuropeytsy: Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskyy analiz prayazyka i protokul'tury: t. 1*. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo un-ta. (In Russ.). (In Russ.).
- Kabakova, G. I. 2013. Kontsept chesti v rituale gostepriimstva. *Etnolingvistyka. Lublin. 25*: 18—28. (In Russ.).
- Kabakova, G. I. 2015. *Russkiye traditsii gostepriimstva i zastol'ya*. Moskva: Forum. (In Russ.).
- Lavrentyeva, L. S. 1992. Sol' v obryadakh i verovaniyakh vostochnykh slavyan. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. Sankt-Peterburg. 45*: 44—55. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V. 2010. Situatsiya goshcheniya v russkoy yazykovoy kartine mira. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2 : Gumanitarnyye nauki. 1 (72)*: 81—93. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V. 2011. Negativnyye konnotatsii leksiki goshcheniya (na materiale russkikh narodnykh govorov). *Vestnik TsMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika. 3*: 20—25. (In Russ.).

- Morozova, E. B. 2004. Agressiya v bytovoy kommunikatsii: situatsiya «gost' — khozyain». *Agressiya v yazyke i rechi*. Moskva: RGGU. 67—80. (In Russ.).
- Nebua-Mombe, Zh. 2004. Russkoe gostepriimstvo vo frantsuzskom populyarnom romane kontsa XIX v. *Traditsionnyye i sovremennyye modeli gostepriimstva*. Moskva: Izd-vo RGGU. 243—259. (In Russ.).
- Nevskaya L. G. 1997. Kontsept gost' v kontekste perekhodnykh obryadov. *Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga*. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury: 442—452. (In Russ.).
- Pyankova, K. V. 2008. *Leksika, oboznachayushchaya kategorial'nye priznaki pishchi, v russkoy yazykovoy traditsii: etnolingvisticheskiy aspekt: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk*. Ekaterinburg. (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. 2008. Prostranstvo slova: leksicheskaya semantika v obshcheslavyanskoy perspektive. Moskva: Indrik. (In Russ.).
- Trubachev, O. N. 1959. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneyshikh terminov obshchestvennogo stroya*. Moskva: Izd. AN SSSR. (In Russ.).
- Trubachev, O. N. 2004. *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul'tura*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury. t. 1. (In Russ.).
- Vinantova, I. V. 2010. Strukturno-sintaksicheskiye zakonomernosti vyrazheniya rechevogo akta «priglaseniye (v gosti)» v russkom yazyke. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 3: 41—44. (In Russ.).
- Yunusova, R. D. 2010. Frazeologizmy o gostepriimstve v russkom i tatarskom yazykakh. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 1(2): 47—50. (In Russ.).
- Zakharova, T. V. 2010. Semantika ugoshcheniya v russkikh i frantsuzskikh paremiyakh o gostepriimstve. *Vestnik Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika*. 1: 75—78. (In Russ.).
- Zakharova, T. V., Turbina, O. A. 2008. Otrazheniye sotsial'noy znachimosti gostepriimstva v russkikh paremiyakh. *Vestnik Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika*. 16: 46—53. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. 2010. Gosti kak meropriyatiye v russkom yazyke i kartine mira. *Rossika. Rusistika. Rossivedeniye: kn. 1: Yazyk. Istoriya. Kul'tura*. Moskva: RGGU. 100—114. (In Russ.).